

Татъяна Ганнибал

королева арахонцев

1

12+

Татьяна Ганнибал

Королева арахонцев. Книга первая

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ганнибал Т. Ю.

Королева арахонцев. Книга первая / Т. Ю. Ганнибал — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Первая книга из серии "Королева". Одной из главных героинь, королеве Элисандрей, исполняется восемнадцать. Вместе с атрибутами единоличной власти над арахонцами она получает и огромную ответственность. В жизни королевы неожиданно появятся: светловолосая девушка из снов, поединок с Чёрным лордом, воспитание Вещей Птицы, пророчество, по которому: "Четыре короны и Знак Силы спасут миры", и, конечно же, любовь! Книга красочно проиллюстрирована.

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Часть 1

Глава 1

Не было слышно ни шороха одежды, ни осторожного дыхания, но, ещё окончательно не проснувшись, Элис осознала, что в комнате кто-то есть. Подавив желание отпрянуть вглубь обширного ложа, она со вздохом и стоном, словно во сне, перевернулась набок, рука скользнула к изголовью, нащупала короткий нож.

Безумство! Тайком проникнуть в спальню королевы ночью!

Она поискала взглядом по тяжёлым складчатым портьерам и тёмным гобеленам силуэт человека. Сквозь разноцветные витражные стёкла королевской башни, пробивался тусклый свет восходящей луны. Призрачные тени, преломляясь через синие и красные стёкла, медленно переползали от стены, через ложе с балдахином, к двери, искажая сумрак и мешая осознанию реальности.

Элис вновь сбилась с ровного дыхания, привычно, на слух нашла стражницу, дежурившую за дверью. Её размеренные шаги, приглушённые ворсом ковра, неторопливо удалялись теперь в сторону галереи.

«Не спит! Значит, не могла пропустить лазутчика!».

Королева смутилась, не находя объяснения происходящему. В её башню не вели потайные ходы, а рамы окон, вечно скрипевшие в непогоду, давно были наглухо забиты огромными коваными скобами. И всё же... теперь в самом тёмном месте спальни, под портретом Кларинсы Анжелайн, в кресле, она угадала силуэт человека.

«Кто же это? Почему медлит? Отчего не приблизится?».

Рукоять ножа нагрелась, ладонь покрывалась лёгкой испариной. Незаметное движение ноги, и, покрывало стало медленно сползать, освобождая тело для броска. Теперь, уже проснувшись окончательно, Элис пребывала в нетерпеливом ожидании схватки. Конечно, проще было бы потянуть за шёлковый шнур, и стража вмиг наполнит комнату..., впрочем, она сама может справиться с непрошеным гостем и на расстоянии!

Элисандрей перехватила нож за лезвие, слегка пошевелила кистью, принаравливаясь к броску с ложа. Отлично уравновешенный, с тяжёлой рукоятью и закалённой многослойной сталью, он прекрасно пробивал даже доспехи иноверцев!

– Я знаю, что ты великолепно бросаешь нож, маленькая Сэнди из рода Фион. – произнёс низкий мужской голос с усмешкой.

– Учитель?! – отпрянула Элис вглубь ложа, торопливо нашаривая на груди охранный амулет. – Но ты же... говорили, что тебя убили дикие!

– Меня не так-то легко убить, – вновь усмехнулся старческий голос.

Элис разжала пальцы. Только один человек в мире называл Элисандрей «Сэнди», и только ему одному будет легко даровано прощение за посещение в столь неурочное время.

– Мы пропели по тебе погребальные песни, – смущённо повинулась она. – Никто уже не чаял увидеть тебя живым!

– Такая безделица, как заунывные песни твоих воительниц, мне никак не могут повредить! – старик перегнулся через подлокотник кресла, провёл рукой по небольшой седой бороде, и, Элис смогла различить его бледное улыбающееся лицо. – Рад видеть тебя, малышка!

– Зажечь свечу? Подать вина? – предложила королева, как и прежде, в детстве, ощущая смятение перед этим загадочным человеком. Он, то появлялся, словно бы ниоткуда, помогая в трудные моменты её жизни, то снова исчезал, когда жизнь налаживалась. И, зная его с детства, она, по сути, не знала о нём ничего!

– Не тревожься, крошка. Я уже в том возрасте, когда ценят жизнь такой, какая она есть. Но я пришёл говорить не об этом. Вчера тебе исполнилось восемнадцать. Теперь ты полновластная коронованная правительница арахонцев. Но... чтобы стать настоящей королевой, которую признают и станут со страхом чтить правители соседних стран, тебе не хватает... Вещей птицы Самур! Теперь уже северные соседи – барры трижды подумают, прежде чем строить коварные планы по завоеванию твоей страны.

Элис вздрогнула, в волнении прижала руки к груди.

– Ты хочешь сказать, Учитель...

– Да. Это случится сегодня. – темнота в кресле шевельнулась, приподымаясь. – Следуй за мной!

Элис прыжком соскочила с ложа, поспешно натянула на себя белую шерстяную тунику и, перехватив кожаным поясом талию, всунула в ножны короткий меч. Лёгкие сандалии и алый плащ закончили облачение королевы.

– Я готова.

Под нетерпеливым ударом её руки шумно распахнулись двери.

– Хей! – выкрикнула начальница стражи при виде Властительницы в сопровождении фигуры в чёрном плаще. Надвинутый на глаза капюшон и слегка сутулая фигура, подсказали ей, *кого* она видит перед собой!

– Хей... Хей... – эхом откликнулась охрана. Высоченные стражницы спешно опускали лица, не смея смотреть на следовавшего за королевой человека.

По арочному потолку коридора заплясали огненные всполохи от факелов, чёрные тени от взбудораженных людей заматались по стенам. «Учитель!», «Великий Учитель вновь с нами!», – новость, словно быстрокрылая птица, стремительно облетела дворец.

Элис шла быстро, почти бежала. Ей казалось, что она упустит время и не успеет.

– Хей... Хей... – словно гончая перед охотником, нёсся тревожный клич охраны.

– Не так быстро, моя королева! – остудил её пыл насмешливый голос Учителя. – Не забывай, что я стар. К тому же время птицы Самур ещё не настало.

Элис принудила себя сбавить шаг, через плечо, тайком, поглядывая на фигуру Учителя. Сколько раз имела она возможность убедиться, что в этом необычном старце пребывает невероятная Сила, которая, не подчиняясь законам природы, с годами вовсе не убывала!

– Надеюсь, Сэнди, жертва достойна Вещей Птицы?

– Да, Учитель. Я сама выкормила и воспитала его. Он безупречен, и, если бы не птица Самур, никогда не рассталась бы с ним.

– Дорогое меняют только на то, что дорого. Красивые кони рождаются чаще, чем Вещая Птица. Ты не должна жалеть о нём.

– Да, Учитель. Я не жалею.

И это была почти правда. С тех пор, как Элис среди множества жеребят выбрала Пресветлого, она никогда не забывала о его предназначении в жертву, и смирилась с этой мыслью настолько, насколько это было возможно.

Распахнулись ворота королевской конюшни, запах, и тепло десятка лучших королевских коней ударил в лицо. Почуввав хозяйку, белоснежный конь высунул морду в проход, жадно втянул воздух широкими ноздрями. Всхрапнул и затряс головой.

– Вот он, мой конь!

Элис запустила руки в блестящую белую гриву, прижалась лицом к большой морде.

Конь покосился на чёрную тень за спиной хозяйки, тревожно забил копытом, оскалил зубы. Запах чужака пугал и беспокоил его.

– Спокойно, Пресветлый, спокойно! – Элис открыла дверцу, вошла в стойло и, сняв со стены уздечку, одела её на коня. Она всегда сама не только взнуздывала коня, но и мыла, чистила, расчёсывала хвост и гриву, вплетала в них жемчуга. Для остальных же под, страхом сурового наказания, запрещено было даже близко подходить к коню. По преданию, которому строго следовала Элис, коня, выращиваемого в жертву Вещей Птице, не должны были касаться руки людей некоролевской крови.

Учитель был доволен. Впервые увидев Пресветлого, он, бесспорно согласился, что это достойный дар Птице Самур. Элис накинула на коня большое шёлковое покрывало, расшитое крылатыми конями, волшебными цветами, дополненное амулетами из морских раковин и жемчуга. Покрывало достигало копыт коня лёгкой золотой бахромой, и он, в обрамлении золота и палево-синего шёлка, казался совершенным.

Королева обернулась к склонившей голову конюшей.

– Нужны кони и для нас. Подготовьте Дез и Летящего! – и, вскинув руку, остановила начальницу стражи Хайлет, торопливо надевающей себе наплечники. – Мы будем вдвоём. И только!

Низя глаза, конюшие вывели двух лошадей: пепельного строптивного жеребца для королевы, и гнедую спокойную кобылу для её спутника. Холёного красавца Пресветлого Элис повела в поводу.

Отряд охраны, факела и уютная определённости остались за стенами дворца. Впереди только пустынная дорога, тусклый свет звёзд, да будоражащее сердце чувство неизведанного.

Первым ехал Учитель. Он, как дикая кошка, видел в темноте, как ночная птица, ориентировался по слуху, как гончая, чувствовал нюхом то, что скрывалось во мраке. Пресветлый волновался. Никогда не покидая конюшню в темноте, он пугливо вздрагивал, дёргал уздечку и фыркал. Учитель затянул грустную песню о раненной женщине-воине, оставшуюся умирать среди поверженных врагов. Старая, знакомая с детства песня, заставила Элис вздохнуть: как давно она не слышала эту боевую песнь – плачь. Вскоре кони откликнулись на нехитрый ритм боевой песни, успокоились, пошли ровнее.

Впрочем, уже через короткое время и сама Элис начала различать многое из того, что было скрыто сумраком. Приноровившиеся к темноте глаза улавливали и короткие быстро сменявшиеся по земле тени, и крутые виражи хищных птиц в небе, и даже границу между более тёмным мощением дороги и придорожной землёй. Ехали молча, достаточно долго для того, чтобы Элис начала испытывать нетерпеливое беспокойство, не сбился ли её провожатый с пути? Но вот повеяло пьянящим сладковатым ароматом ночного дурмана, и Элис поняла, что дорога привела в предгорье. Скоро дорогу сменила тропа, начался подъём. Кони, выстроив-

пшись цепочкой, принялись с усилием карабкаться по крутому подъёму, осыпающемуся мелкими камнями.

– Недалеко уже. – приободрил Учитель. – Я знаю, что ты, бесстрашна также, как и твоя мать, и сможешь это сделать также как когда-то она!

– Если не я, то кто же? – прошептала Элис, кусая губу. Боясь показаться слабой, молодая королева не решалась впрямую спросить Учителя о риске связанного с добычей Вещей Птицы, а живое воображение услужливо рисовало самые ужасные картины возможного скорого будущего: ведь ударом крыла птица могла сбить с ног коня, а острым клювом без труда пробить металлический нагрудник... – Элис неосознанно прикоснулась рукой к тонкому шерстяному платью, прикрывавшему её сердце. Сегодня она была, словно обнажённая, совершенно беззащитна.

Копыта лошадей застучали по вулканическим камням, и гулкое эхо подсказало, что въехали под своды пещеры. Впереди показался слабый отблеск света, неосторожно скользнувший по обсидиановым сводам пещеры, и Учитель натянул поводья.

– Всё. Дальше пешком.

Он спешил и пошёл вглубь пещеры. Не выпуская узды Пресветлого, Элис пошла следом, осторожно нащупывая дорогу подошвами ног. Пол пещеры был усеян острыми осколками обсидиана, который громко шуршал под копытами коня, и Элис поёжилась: как бы их не заметили прежде времени!

Вслушалась. Откуда-то издали, из глубины пещеры, доносился гулкий стук капель, и, дробившее их эхо создало иллюзию вездесущности воды.

Подземный коридор неожиданно оборвался, стены пещеры разошлись вверх и в стороны, и, судя по движению воздуха и изменившемуся эху, открылся огромный каменный зал, границы которого скрывал мрак.

Учитель сдержанно кашлянул, словно предупреждая кого-то о своём присутствии, и тут же пещеру огласил пронзительный птичий крик. Пресветлый рванулся назад так, что Элис с трудом удержалась на ногах, всем телом повиснув на поводьях.

– Это ОНА? – ужаснулась Элис, невольно оглядываясь назад. Первый раз в жизни она сожалела о том, что родилась королевой.

Протяжный вой-крик повторился, птица Самур почуяла незваных гостей.

Пресветлый упирался, пятился, испуганно приседал на задние ноги. Элис сердито прикрикнула на него, крепче перехватила под уздцы. Но страх коня передался и ей. Ища поддержки, плечом коснулась плеча Учителя, зябко ёжась, плотнее укуталась в плащ.

Внезапно воцарилась тишина, нарушаемая лишь гулкой капелью, да шорохом камней под копытами коня. Лёгкое дуновение воздуха принесло с собой резкий запах жилища хищной птицы Самур. Пресветлый втянул его широкими ноздрями, затряс головой и упёрся, отказываясь идти дальше. Элис кольнула его в круп остриём меча, с силой потянула за собой.

Пристально взглядевшись в темноту, нарушаемую лишь тусклым свечением странных голубых камней, разбросанных тут и там по полу, Элис разглядела силуэт большой птицы, сидящей на выступе скалы. Огромные жёлтые глаза Вещей, с плясавшими в них голубыми отблесками, были устремлены прямо на Элис! Спина покрылась мурашками, словно по ней провели холодной жёсткой рукой, а колени предательски ослабли.

Слегка подтолкнув Элис вперёд, Учитель коротко шепнул: «Не бойся, Сэнди. Я рядом!»

Слабость в ногах пошла дрожью по всему телу. Элис глубоко вздохнула, заставила себя сделать несколько шагов вперёд, и, сглотнув сухой комок в горле, прокричала в темноту срывающимся голосом.

– О, мудрейшая птица Самур... Элисандрей Вивиен Анжелейн, из рода Фион, приветствует тебя! – голос Элис быстро окреп и разнёсся по пещере, звонко отражаясь от стеклянных обсидиановых стен. – Да позволено мне будет говорить с тобой, Властительница Ночи!

Птица Самур, с шумным хлопком резко раскинула крылья в стороны, проскрежетала клювом, словно двигая металлом о металл, и наклонилась вперед, не отрывая глаз от Элис.
– Что хочет о меня, королева людей? – выговорила птица странным глухим голосом.

– Много дней и ночей провела ты в гнезде, не имея времени охотиться. Я привела тебе этого коня, чтобы его чистая тёплая кровь вернула тебе силы. Примешь ли ты мой скромный дар, о мудрейшая?

Взгляд Птицы Самур переместился на Пресветлого. Она распушила воротник и в нетерпении защёлкала клювом.

– Что ты просишь взамен?

– Да не прогневают тебя мои слова ... – Элис на мгновение запнулась, ведь она собиралась просить птицу отдать самое дорогое – будущего птенца, но вспомнила, как Учитель уверял: птица, по сути, прирождённая одиночка и потомство досаждают ей излишней суетой и шумом. Она сама не прочь передать своего отпрыска в надёжные руки. Вот только посчитает ли она руки Элис надёжными?

– Я прошу, Тебя, Королева Птиц, позволения взять того, кого я буду любить и беречь больше жизни. Того, кто сможет стать мне мудрым советчиком...

– Хорошо! – оборвала её птица, не отрывая глаз от коня, медленно раскачиваясь вверх-вниз. Её магнетический взгляд светящихся глаз заставил оцепенеть Пресветлого: на губах его выступила пена, он дрожал, приседал на задние ноги, но не в силах был отступить и бежать.

– Смелей, Сэнди! – подтолкнул Учитель. – Ты видишь, она ждёт твой дар!

Элис крепко ухватила Пресветлого за узду... одно выверенное движение мечом, и всё было кончено: дух коня навечно ушёл на небесные пастбища создателя... отступила в сторону ища поддержки у Учителя. Торжествующие вопли Птицы Самур ударили по ушам. Шумно хлопая крыльями и взметая в воздух лёгкую стеклянную пыль, она ринулась вниз. Голодный клёкот и урчание наполнили пещеру.

– Быстрее, Сэнди! Пока она не насытилась и не передумала!

Учитель соединил руки в замок, Элис оперлась на них ногой, подброшенная вверх, метнулась к выступу скалы, ухватила за него, подтянулась вверх. В гнезде, сплетённом из молодых побегов войлочного дерева, лежало большое тёмное яйцо. Элис осторожно взяла его, сунула за пазуху и, придерживая рукой, прыгнула вниз.

Две тени отступили и бесшумно растворились во мраке ночи.

Глава 2

– Сежи, уже рассвело! – Эйба склонившись над спящей сестрой, осторожно отодвинула с её лица прядь серебристых волос. – Мне пора в дозор. Ты проводишь меня?

– М-м! – с удовольствием протянула Сежи, открывая глаза и не сразу осознавая реальность. – Я так счастлива! – она обхватила сестру руками и, быстро приподнявшись, звонко чмокнула её в ухо.

– Счастлива? От того, что я ухожу? – шутливо нахмурилась Эйба.

– Конечно же, нет! Я видела сказочный сон! – Сежи скинула покрывало, в одной тонкой рубаше пробежала по холодным каменным плитам башни к узкому окну, со стуком распахнула створку. – Мне снилась королева-воин, красивый серебряный конь, какой-то странный человек в чёрном... И ещё, большая страшная птица, яйцо которой надо было похитить! – Сежи посмотрела вдаль, в то узкое место между горами, через которое, в солнечную погоду, можно было видеть отблески золотых шпилей и башен города, и где теперь клубился густой утренний туман. Она никогда не бывала в городе, как, впрочем, и никто из её шести сестёр, живущих в этой высокогорной заставе. До сих пор, мысли о том неведомом месте никогда не беспокоили Сежи, но сейчас, дворец, так ярко и живо увиденный во сне, показался таким волнующе-прекрасным будто она и в самом деле побывала там, а теперь навсегда потеряла.

Ветер затрепал её длинные серебристые пряди, наполняя их утренней весенней свежестью и ароматом первых весенних горных цветов. Красный солнечный диск, пробившись через низкую облачность, висящую над перевалом, мгновенно окрасил мир в алый цвет. Розовые горы под розовыми пышными облаками казались удивительно волшебными, словно продолжением сна наяву. Низкие розовые приземистые деревья склоняли вниз свои причудливые ветви, с розовых сосулеч медленно капала искрящаяся капель. ... Крича высокими пронзительными голосами, со стен заставы сорвалась стайка серебристых птиц, сделала круг над башней Сежи и исчезла в высоте.

– Глупышка! – пожурла ласково Эйба. – Радуюсь всякой ерунде. Дайка лучше я причешу твои волосы, – она захлопнула окно, опустила щеколду и укоризненно посмотрела на сестру. – Ты совсем растрепалась.

– Ты знаешь, у меня такое странное чувство... – задумчиво произнесла Сежи, послушно присев перед сестрой на низкий круглый табурет. – Будто я нашла что-то очень важное... Такое очень-очень нужное, но так давно потерянное, что я совсем забыла о нём! А теперь, во сне,

я вдруг вспомнила... – она попыталась ухватить ускользающую память о сновидении, но оно, словно вода через пальцы, утекло, оставляя после себя только необъяснимую грусть.

Эйба осторожно обхватила волосы Сежи рукой, частым деревянным гребнем провела сверху вниз, стараясь упорядочить течение лёгких волн.

– А я, никогда не вижу снов, – со вздохом проговорила она, – Вот только разве что лавину...

Несколько лет назад, огромный каменный уступ неподалёку от заставы, подмытый весенними тальми водами, осел, посреди дня, прямо на глазах у Сежи. Начав своё движение высоко в горах, он всё ускорялся и ускорялся, увлекая за собой всё, что попадалось на пути: невероятный по мощи грохочущий вал из камней, льда, снега и деревьев устремился вниз, к заставе, не оставляя людям шанса на спасение...

Погибли двое самых дорогих для Сежи людей: мама и её младшая сестра, а Эйба, захваченная ледяным водоворотом попала в узкую расщелину, о существовании которой никто и не подозревал. Ни солнечный свет, ни звук не проникали в её глубину через толщу грязного снега, заклинившего вход словно пробка, и, если бы не Сежи, с её невероятной способностью чувствовать чужую боль, Эйба осталась бы там навсегда.

С тех пор прошло много времени, Эйба сумела поправиться от телесных ран, но не избавилась от душевных. Никто никогда больше не видел её смеющейся, а страшный чёрный водоворот ночь за ночью застигая её врасплох, заставлял вновь и вновь кричать от ужаса.

– Я вспомнила! – резко обернулась Сежи, невольно вырывая свои волосы из рук сестры. – Её зовут Элис!

– Кого? – не поняла Эйба, терпеливо подбирая пряди волос.

– Девушку из сна. – Сежи зажмурилась, пытаясь восстановить в памяти хоть что-то от ушедшего сновидения. – У неё большие чёрные глаза, чёрные волосы и брови. Она сильная и смелая. ... Даже, наверно, смелее, чем ты! – Сежи взглянула в большое овальное зеркало, с тяжёлой медной рамой, на отражение сестры: черноволосая, смуглая, с обветренным лицом

и растрескавшимися от мороза губами. Она сосредоточенно вплетала в волосы Сежи серебристую ленту, – дорогой подарок, выменянный ещё матерью у случайно забредшей к ним торговки из города.

Сежи задумалась об этом. На заставе, кажется, совсем не было никаких вещей *из города!* Она мысленно искала по комнате, но не находила совсем ничего: все одежды они шили себе сами, за оружием спускались в долину к кузнецам... вот разве что зеркало? Но оно было таким старинным, что даже тридцатилетняя Эйба, самая старшая из сестёр, плохо помнила его историю, и только могла пересказывать слова матери, услышанные от неё в детстве:

Это произошло около сорока лет назад, когда арахонки пришли в этот мир из старого мира. Совсем скоро они поняли, что здесь совсем небезопасно, а набеги северных соседей – баров заставили всерьёз задуматься об охране страны. Тогда, королевским указом, наиболее сильные и выносливые люди были отправлены на границы королевства с тем, чтобы создать там дозорные крепости. Но оказалось, что ничего строить не придётся, крепости уже были выстроены ещё прежними, невзвест куда сгинувшими хозяевами. Когда в это место, где теперь жила Сежи с сёстрами, пришли первые арахонки, у подножия крутых скал они нашли добротный трёхэтажный каменный дом со смотровой башней. Показалось, что прежние его жители добровольно и неспешно оставили своё жильё: ставни окон были аккуратно заколочены, а входная дверь, скорее против диких зверей, чем от людей, была подперта тяжёлой колодой. Тщательное обследование, показало, что бывшие хозяева педантично вывезли из дома всё своё имущество, и кроме большого зеркала, которое, скорее всего, просто потеряли на дороге, да завалившегося за лестницу старинного арбалета, новым хозяевам не осталось ничего. Были пусты погреба и житницы, в поленницах не осталось дров, и даже кадушки для воды хозяева увезли с собой правда, оставив дом в чистоте и порядке, а на полу кухни, словно прощальное приветствие, лежал большой засохший букет цветов, который превратился в прах от первого прикосновения.

Новую жизнь, их матери пришлось начинать на пустом месте, с шестью дочерьми на руках, с тех пор арахонки так и прозвали этот дом-крепость «застава шести сестёр».

Эйба, всегда всё делавшая сосредоточенно и точно, уверенно закрутила длинные пряди Сежи в хитрый толстый жгут, завязала узлом и заколола костяными заколками.

– Мне следует поторопиться, Гейла тяжело переносит холодные утренние дозоры и наверняка совсем продрогла.

– И я с тобой. Провожу немного.

Сежи поспешно накинула на плечи вязаную накидку, сунула ноги в невесомые сапоги из шкурок ползунов. Гейла была её сестрой-погодкой, самой любимой из сестёр, и её вовсе не хотелось заставлять ждать.

По узкой деревянной винтовой лестнице, ведущей в башню, дробно затопали маленькие пятки.

– Весна! Весна пришла! – в распахнувшиеся настежь двери ворвались близняшки Оша и Олин. Семилетки закружили вокруг сестёр, гомоня и выкрикивая бессвязное «О, ё-ё-ё!», «Аю-аю-аю!», блестя глазами и размахивая зажатými в кулачки руками.

– Что вы задумали, взбесившиеся козлята? – заложив суровую морщинку на лбу, Эйба старательно избегала столкновений.

– А, вот что! – разом вскинув руки вверх девчонки, осыпали её и Сежи дождём сорванных маленьких голубых цветков. – Весна! Весна пришла! – радостно повизгивая, они бросились прочь из дома, размахивая руками, будто стайка аахов, и ещё долго, издали, доносились до сестёр их радостные вопли.

Сежи, со вздохом, посмотрела на рассыпавшиеся по полу цветы, увядающие прямо на глазах. Сожалея, что они, столько времени терпеливо ожидавшие тепла на холодных скалах,

так и не смогли порадоваться этой весне. Сняла с полки глиняный горшок, зачерпнула воды из кадушки.

– Не дело они затеяли, не дело! – задумчиво проговорила Эйба, собирая с пола цветы и осторожно опуская их в воду. – Так можно и духов гор рассердить.

Подпоясавшись широким кожаным ремнём поверх мехового жилета, сняла со стены арбалет, закинула за плечо колчан со стрелами и обернулась к Сежи.

– Так ты идёшь со мной?

...Сежи с удовольствием вдохнула уже по-весеннему тёплый ветер, поймала себя на мысли, что также как близняшки, хотела бы весело носиться по предгорным лугам, бессвязно и громко выкрикивая «Аю-аю-аю!».

– В горах уже тронулся снег, и из нор стали выглядывать скальные мыши... – степенно произнесла Эйба, шедшая впереди.

– Надеюсь, тебе повезёт сегодня, и ты раздобудешь для нас их шелковистые шкурки? У Абины одежда совсем износилась.

– Если повезёт, – улыбнулась Эйба, – Я принесу домой не только шкурки прожорливых ползунов...

– Ты ещё надеешься? – округлила глаза Сежи.

– Я опять видела на перевале следы снежной кошки, совсем неподалёку!

– Будь осторожна, весной они такие своенравные и злые... – Сежи не договорила, почувствовав внезапно, как что-то оборвалось внутри неё. Мир, разом потускнев, сузился до короткого пространства в два локтя, затихли звуки, исчезли краски, и только страх и боль пульсировали в висках: «Что-то случилось!»

– ...пока они не ушли высоко в горы и не поменяли цвет меха на бурый, я буду на них охотиться. Хочу, чтобы у тебя, к следующей зиме, была шубка под цвет твоих волос! – Эйба внимательно взгляделась в побледневшее лицо сестры. – Не беспокойся, я знаю их повадки!

– Да... – Сежи запнулась на полушаге, не понимая, что произошло, и, не смея признаться сестре в этом.

– Тебе нехорошо? – заметила Эйба странную бледность сестры. – Иди домой, дальше я пойду одна!

– Нет-нет... – рассеяно отозвалась та, оглядывая крутой склон, узкую тропу, затянутую туманом, и чахлые кустарники с набухшими почками. – Боль шла извне... теперь она поняла от кого! – Гейла! – выкрикнула она, указывая направление. Там впереди, среди неясных теней, проступающих сквозь туман, она различила одну, медленно отделившуюся от скалы... Вот тень приблизилась к тропе, нерешительно остановилась, шатаясь вышла из тумана к сёстрам.

– Гейла! – Эйба рванулась вперёд, в несколько огромных прыжков достигла той неясной тени.

С белым безжизненным лицом и обкусанными в кровь губами, сестра была больше похожа на призрака, вышедшего из мира теней, чем на живого человека. Раздетая до тонкой рубашки, она прижимала к груди безжизненную руку, туго замотанную коротким полушубком. И светлая мягкая кожа его была пропитана до черноты запёкшейся кровью. Маленькие алые капли крови ещё размеренно капали на холодный гранит склона, оставляя за человеком-призраком узкую дорожку, но было очевидно, что таких капель наберётся ещё совсем немного.

– Кошка! – сразу догадалась Эйба, подхватывая оседающее тело. – Я же запретила тебе охотиться на неё!

– Мне уже шестнадцать... – одними губами прошептала Гейла. – Я должна была... – сознание оставило её, и она, словно тряпичная кукла, обмякла, роняя с руки удерживаемую перевязку. Сежи сжалась от увиденного: когти мощной снежной кошки, пройдясь от плеча до локтя, оставили на теле несчастной три глубокие, до кости, рваные полосы. Жизнь оставляла измученное тело вместе с редкими каплями крови, ещё стекавшими на снег.

– Ты ведь сможешь ей помочь?! – яростно сверкнула глазами Эйба, взглянув на Сежи. – Закинула, словно тряпичную куклу, тело худенькой сестры на плечо, и огромными шагами понеслась обратно к заставе.

Сежи молча бежала следом, с ужасом глядя на безжизненно раскачивающееся тело сестры. Она, конечно же, могла многое, найти потерявшихся, залечить порезы, снять головную боль, но... но она же не была богиней!

– Воды! Быстрее! – грозный рык старшей сестры переполошил всю заставу. Не смея плакать, бояться, и задавать вопросы, сёстры спешно повиновались, послушно и чётко подавая воду и чистые ткани.

– Я помогу тебе, ... – шептала Гейле Сежи, обмывая страшные раны. – Ты только верь, ты только не уходи!

Белый лоскут чистого полотенца укрыл от сестёр покалеченную руку. Нежные, тонкие пальцы Сежи с силой свели под ним рваную плоть, заставляя соединяться края так, чтобы могла срастаться плоть. «Быстрее!», – беззвучно приказывала сама себе Сежи, заставляя Силу, бьющую из её ладоней, вливаться в рваные жилы.

Клубок жизни, раскрутивший свою нить до конца, вот-вот готов был остановиться, когда его захватили сильные руки странной светловолосой девушки. Видимый только Сежи «конец нити» забился, утолщаясь, заструился, наращиваясь, и клубок жизни заново принялся наматывать новые и новые свои обороты. Гейла шевельнула губами, шумно ухватила воздуха и начала дышать.

– Возвращайся! – строго велела Сежи, отыскивая в глазах сестры осколки сознания и крепко ухватываясь за них. – Возвращайся! Всё будет хорошо!

Худенькое тело Гейлы затряслось в ознобе, лоб покрылся испариной, а губы порозовели. Она открыла глаза и с изумлением оглядела склонившихся над ней сестёр.

– Ободрейте её скорее! – тихо велела Сежи через плечо. – Дайте горячего молока, мёда и маминой настойки. – Она с трудом разжала свои онемевшие пальцы, выпуская руку сестры. Без сил осела на пол, чувствуя, что в мире словно бы пропал воздух! Она вдыхала, но не чувствовала его, её знобило и мутило. Так бывало всегда, когда, забирая чужую боль, она отдавала взамен свою Силу. Вот только в этот раз, силы понадобилось гораздо больше, чем она её имела...

Глава 2

Громкий звон упавшего на мраморный пол подноса, вырвал Элис из сна, заставил буквально подскочить на ложе.

Служанка, так неосторожно прервавшая сон Властительницы, испуганно втянув голову в плечи, торопливо собирала раскатившиеся по полу фрукты. Она хорошо знала, её высокородная госпожа, в гневе, запросто могла собственноручно поколотить. Взглядом вымаливая прощение за нечаянную оплошность, служанка пятилась к дверям, шепча слова оградительной молитвы. Чудо неожиданно свершилось. Элис резко сдвинула брови, но... не сказала ни слова. Вопреки её собственным ожиданиям, мгновенно возникший гнев не перерос ни в резкие слова, ни в ярость, а постепенно растаял вовсе. «От чего бы это?» – удивилась она, откидываясь на ложе и бездумно устремляя взгляд на, расписанный облаками, потолок. Ей было и печально и радостно одновременно. Так бывало с ней в детстве, когда после длительного ожидания роскошных праздников и подарков, сами празднования оказывались сумбурными и короткими, и уже по утру она понимала, что всё позади, а радость и веселье быстро угасали, сменяясь сладковато-горьким ощущением потери.

Элис быстро закрыла глаза, надеясь остановить ускользающий сон: за плотно сжатыми ресницами снежным вихрем взметнулись пряди серебристых девичьих волос, почти явно повеяло холодным горным ветром, и чудесное сновидение растаяло, оставив от себя только имя.

– Се-жи-ен... – прошептала Элис, пробуя новое имя на вкус. – Сежи... – В жизни своей она не видала настолько ярких и волнующих сновидений, наполненных многочисленными

мельчайшими деталями! Пожалуй, прежде она и вовсе не видала лиц людей во сне. Обычно это были смутные образы, по которым она могла лишь догадаться: вот это мама, это Хайлет, а это кто-то из людей ближайшего окружения.

Прислужница, не та безрукая, которую давно пора выгнать, а старая добрая Мали, осторожно прикрыла покрывалом обнажившуюся ступню королевы.

– Хорошего солнечного утра, моя госпожа!

Борясь с томлением, охватившим всё тело, Элис перекатилась на живот, подпёрла голову руками.

– Я видела чудный сон! Прекрасную девушку, с серебристыми волосами...

– С серебристыми волосами? – с недоумением улыбнулась Мали, накручивая на палец прядь своих седых волос. – Разве это красиво?

– Невероятно красиво! – Элис хотела было рассердиться на непонятливую женщину, но, отчего-то передумав, спрятала лицо в ладонях. Она хотела вернуть ускользающий образ, рассмотреть его ещё раз, но тут рука невзначай коснулась тёплого яйца птицы Самур.

– Невероятно! Как я могла забыть? – Элис осторожно провела пальцем по голубой, с оттенком фиолетового, скорлупе. Не такое уж и большое, всего-то размером с два кулака! Скорее всего сама Вещая птица лишь от ночного страха, показалась королеве такой огромной и ужасной! Элис мягко приобняла яйцо, зажмурилась предвкушая своё будущее.

– Неужели и у меня теперь будет своя Вещая птица? Такая же мудрая, как у прежних Властительниц?

Шёл уже третий год, как мать Элис – королева Самона Анжелайн – покинула этот мир, скончавшись от ран, полученных в битве с врагами. Вещая птица, добровольно предпочтя Мир Теней – разлуке со своей хозяйкой, последовала за ней, и королевство осталось без предсказательницы. Теперь, когда Элис прижав яйцо к себе, пыталась отогреть его своим теплом и дыханием, пришло время вспомнить всё, что когда-то говорила ей мать. Ведь обмен коня на яйцо – только первый шаг. Сколько ещё потребуется любви и терпения в нелёгком деле воспитания своенравной Вещей птицы! И хорошо, что вернулся Учитель, без него королевство давно бы пропало! Элис осторожно попыталась коснуться мыслью образа Учителя. Непознанный ни кем человек (мужчина!) таинственно возникающий неизвестно откуда в трудную пору жизни королей и затем опять исчезающий. Как должно быть стар этот человек, если о нём упоминается ещё в первых записях, сделанных беженками из Старых земель:

"...И настал день, и сомкнули враги кольцо войск своих вокруг славного города Арахона – последнего свободного города арахонского королевства. И бились воины день и ночь, и лилась кровь, и смерть стояла за их спиной... Каждый воин Арахона забирал с собой в Мир Теней десять вражеских воинов. Но таяли ряды защитников города, и все меньше и меньше оставалось их в живых, пока не составил этот мир последний воин.

И созвал тогда Великий Учитель оставшихся женщин и детей, и повелел им идти за ним. И опустил он Силою своей ночь на город среди ясного дня, и вывел всех живых через волшебные Светящиеся Ворота. И долог был их путь на юг... И рушились горы, закрывая тайный проход. И потеряли враги жертву свою".

Шли годы, и уже в новом мире погибали арахонские королевы, защищая свою страну от новых врагов, и возникали у стен дворца все новые и новые скорбные могильные плиты.

Но не частые набеги диких северных соседей барров, стали для арахонок теперь главным несчастьем. Невидимый, коварный враг скрывался в самой земле королевства, витал в воздухе, таился в водах, подстерегал в собранном урожае...

Не сразу осознали таившуюся беду и сами арахонки, не осознавала её и Элис, выросшая в третьем поколении беженков, которые за сорок лет почти забыли какой была прежняя жизнь. Окружающий мир казался таким прекрасным: и красивый каменный город, в котором она родилась, и безбрежные изумрудные поля, всегда дарующие богатые урожаи, и див-

ные леса, наполненные зверьем, и величавые северные горы, в которых по утрам просыпается солнце... Но отчего ж этот безмятежный и удивительный мир, в который пришли арахонки, был до них безлюден и заброшен? Почему был покинут удивительным город? Почему пусты храмы, дворцы, уютные дома под разноцветными крышами? Почему был добровольно оставлен мир, словно возникший по волшебству, мир – словно сбывшийся сон?

Знание пришло позже: на новой родине арахонки не рождались сыновья! Немногие мальчики, выведенные арахонками из Старого Мира, взрослея, оставляли после себя только дочерей.

А разведчики, обследовавшие новый мир, приносили неутешительные вести: с юга и с востока, маленькое королевство омывал океан. Трижды снаряжали арахонки небольшие корабли, в надежде разведать границы воды и найти обетованные земли. И только один из кораблей возвратился, так и не найдя заветной земли.

С запада, через долгую череду каменистых равнин и непроходимых лесов, лежала страна Веренсия, в которой жили версы – светлокожие люди похожие на арахонки. Многие полагали, что именно туда ушли люди из оставленных городов, и именно там теперь, старейшины надеялись найти помощь и спасение. Лучшие, красивейшие женщины посылались к версам в надежде, что они возвратятся обратно с сыновьями. Но возвратились единицы. В Веренсии женщин считали полулюдьми. Арахонские женщины становились там гаремными рабынями и гибли, не вынеся неволи. В тех же редких случаях, когда им удавалось бежать, с сыновьями на руках, это не приносило королевству арахонки спасения: и от сыновей версов, на этой земле, у арахонки рождались одни только дочери.

В северных же землях, за границей непроходимых гор, в месте называемым арахонками «Земля Барлон», что значит «Запретная», жили барры: дикие, волосатые существа, злобные полулюди, о смешении крови с которыми, арахонки конечно же не помышляли. Ежегодно, в конце лета, после сбора урожая, когда ледники в горах проседали и позволяли проходить через них, накатывали дикари конной лавиной на единственный удобный проход в горах, которую защищала Северная Крепость, стремясь разграбить страну арахонцев.

Учитель дал дельный совет укрепить и усилить старую маленькую крепость, оставшуюся от предшественников и преграждающую путь в самом узком месте перевала. Он научил арахонки лить чугунные пушки и заряжать их разбрасывающими огонь снарядами. Это спасало королевство много лет подряд: война всегда была неизбежной, но до сих пор, как видно Создатель арахонки был на их стороне, баррам не удавалось пробиться в королевство и уничтожить его.

Элис задумчиво потёрла ноющий шрам, оставленный на её плече дикарской стрелой прошлым летом. Как часто, по ночам, в кошмарах, видела она несущуюся на неё живую чёрную шевелящуюся лавину: Злобные дикие кони с горящими красными глазами, с рычанием грызли удила, а волосатые всадники, стреляющие на скаку без промаха, наводили ужас и смятение. Раз от разу дикарей становилось всё больше, и каждый раз королеве казалось, что в этот раз арахонкам не устоять, не справиться. Все, кто мог держать в руках оружие, вставали на защиту крепости. И летела стена стрел дикарей против стены арахонских стрел, грохотали пушки, и огненные разрывы сбивали с ног коней, и очень сильна была ярость и ненависть диких всадников, но отменно стреляющие лучницы отбивали все атаки врага, до сих пор спасая от уничтожения арахонское королевство.

Элис вспомнила, как первый раз увидела пленного живого барра, для поднятия боевого духа арахонки, провезённого в клетке через город.

Словно это было вчера, а не двенадцать лет назад, помнила Элис, заросшего до глаз шерстью, злобного дикаря, покрытого струпьями грязи и засохшей крови. Неистово тряс он прутья толстой решётки, что-то рычал в толпу, и крик его, похожий на лай, долго ещё потом слышался Элис. Она помнила, как напирала задние ряды любопытных арахонки и как пятились

назад передние, при приближении воза с пленником. В возникшей толчее маленькую Элис оторвало от охраны и вынесло вперёд. Девочка увидела прямо над собой ужасный оскал жёлтых зубов, яростный огонь глубоко посаженных глаз, ощутила смрад, идущий от дикаря. В ответ на брошенный кем-то камень, пленник сноровисто просунул волосатую ручищу сквозь решётку, схватил Элис за одежду, рывком, с шумным сопением, повлёк к себе. Спасибо Хайлет, которая всегда рядом. Удар копьём под ребро дикаря, спас маленькую королеву.

То давнее происшествие, не раз возвращавшееся к Элис в ночных кошмарах, оставило в ней убеждённость, что мужчина, это опасное и неприятное существо, с которым лучше никогда не иметь дело. Впрочем, находясь ещё в невинном девичьем возрасте, она вообще не забивала себе голову размышлениями о мужчинах. Ей было всё равно, рождаются ли дети от обильного дождя или от избытка пищи. Она просто знала, что в восемнадцатилетнем возрасте её призовут в Храм Жизни. Что после этого, так же, как и её предшественницы, она оставит после себя дочь. А когда настанет время уйти, погибнет на поле боя, защищая свою страну. Всё это казалось ей настолько естественным, что нисколько не занимало её мысли.

В яйце заворчался птенец, и Элис, спохватившись, решила, что ему холодно. Из рассказов матери она знала, что те несколько дней оставшихся до вылупления птенца, его необходимо постоянно носить при себе.

Элис натянула платье, соскочила с ложа, босиком пробежала по истёртым шерстяным коврам в соседнюю комнату. Там, среди древних вещей, многим из которых Элис не знала названия, стоял большой, окованный чёрнёным серебром сундук. Сдёрнув кусок полуистлевшего, шитого драгоценными камнями гобелена, Элис откинула щеколду, и с усилием приподняла тяжёлую крышку. Пропитанные особым запахом давно минувших времён, в сундуке лежали семейные реликвии рода Фион: толстый свод законов, писанный ещё в Старом Мире, коронационный наряд, потускневшее оружие предков с источенными древками и толстый, вязанный из меха степной кошки передник с большим карманом. Пересыпанный душистыми

травмами, он долгие годы сохранялся неповреждённым, помогая Властительницам арахонок в вынашивании Вещей птицы.

Подоспевшая Мали помогла надеть Элис меховой передник, застегнула пряжки на спине, утёрла набежавшую слезу.

– Вот так же, двадцать лет назад, я помогла королеве Самоне... Как жаль, что она не дожила до этого дня...

– Не время предаваться воспоминаниям! – оборвала Элис прислужницу. Печальные воспоминания о матери мешали ей настроиться на общение с птенцом.

Возвратившись в спальню, она осторожно опустила большое яйцо в карман, приложила ладонь к скорлупе. Зная, как чувствительна Вещая Птица ко лжи и фальши она старалась теперь передать птенцу всю свою любовь и нежность. Словно признав в Элис мать, птенец перестал беспокойно ворочаться, успокоился и затих.

Глава 3

Уже стемнело, когда маленький гарнизон Северной заставы собрался в большой уютной кухне своего дома-крепости. По давней традиции, сёстры всегда вместе проводили вечерние часы, решая на семейном совете военные и хозяйственные вопросы. Разгоняя мрак, в большом очаге плясал жаркий огонь, из-под крышки большого котла тянуло вкусным духом варящихся с овощами диких птиц, постепенно заполняя сытным ароматом все комнаты заставы. За большим, выскобленным добела столом, разместились все семеро сестёр.

– Сегодня сошли ещё две лавины, – Эйба, как старшая, первой начала разговор, подбросив в огонь смолистое сучковатое полено.

– Возвратились ползуны, и охота была на редкость удачной! – двадцатидвухлетняя Марша с удовольствием провела рукой по выделанным шелковистым шкуркам, любуясь игрой огненных отсветов на серебристом мехе. – К следующей зиме будут обновы не только Оше и Олин. – Марша мельком взглянула на среднюю сестру Леху, чьё двадцатилетие приходилось на первый день лета. Вывернув шкуры наизнанку, натянула их на распяла, повесила на просушку.

– Ты зря беспокоишься, сестра, моя шуба ещё как новая! – Леха заглянула под крышку котла, с удовольствием вдыхая сытный запах похлёбки – Твоя охота и впрямь было удачна! – Сёстры, словно сговорившись, не поминали об утреннем происшествии. Виновница же переполоха Гейла, пригорюнившись, сидела в конце длинного стола. Перевязанная чистой тряпичей рука её, хоть и с

переставшими кровоточить ранами, теперь сильно ныла, вторя ей болела и душа. Никогда прежде не смела девушка нарушить наложенный запрет на охоту, и, конечно же, совсем не собиралась этого делать сегодня. Конечно крупные следы хищницы в избытке встречались ей по пути, и, не попадись эта кошка на тропе, Гейла конечно не вздумала бы её искать, но... кошка казалась такой вялой и слабой, тропа такой узкой, а желание всех поразить своей ловкостью и смелостью, было таким непреодолимым! Отчего-то, только теперь, вспомнились слова матери, которая строго наставляла: «Никакое дело не сладится, если оно не для добра, а для бахвальства. Духи гор не любят хвастовства. Ты ни за что не попадёшь стрелой в цель и с пяти шагов, если пообещаешь сделать это наверняка! Как бы ни было велико твоё умение в чём либо, оно легко отыметя от тебя, и ты окажешься на посмешище». Конечно, сестры теперь и не думали смеяться над ней, но от этого было не легче.

Положив перед собой точильный камень, Эйба высыпала на стол новые, кованые, ещё не точеные, наконечники для стрел.

– Тропы уже очистились от снега. С завтрашнего дня начнём обход дальних ловушек, проверим все капканы и самострелы, что остались ещё после схода последних лавин. Птицы

начали вить новые гнёзда, значит, скоро лазутчики иноверцев примутся искать новые тропы для перехода. Будьте бдительней! Будьте в сто раз незаметнее, чем снежная кошка... – короткий взгляд на провинившуюся сестру, тяжёлый вздох, – И пора сложить новый сигнальный костёр, ветки прежнего совсем отсырели от снега! – Эйба, хмурясь, взяла первый наконечник.

...Каждая весна в пограничной заставе «Шести сестёр», начиналась с нового сигнального костра. Хотя здесь, на самом высокогорном и труднодоступном перевале редко появлялись дикари, традиция сохранялась, перейдя в привычку. Своим костром застава предупреждала ближайšie крепости об опасности и, по сути своей, сёстры должны были только вовремя замечать врага, но не противостоять ему, укрываясь за надёжными каменными стенами.

Чаще всего, через заставу «Шести сестёр», вслед за сошедшими снегами, пытались пробраться одиночные лазутчики иноверцев. Обычно сёстры находили их уже замёрзшие тела, пробитые стрелами и копьями установленных Эйбой хитроумных ловушек. Никогда прежде им не доводилось сталкиваться с вероломным врагом лицом к лицу и отражать его нападение, хотя старшая сестра раз за разом требовала от маленького гарнизона быть на чеку, и всегда готовиться к неожиданностям.

– Когда деревья в долине отцветут, Лехе исполнится двадцать. – как бы между прочим заметила Марша, искоса взглянув на старшую Эйбу. – Её призовут Жрицы Жизни?

Семилетние близнецы Оша и Олин радостно заулыбались, запихали друг друга локтями, подмигивая смутившейся сестре.

– Пей больше тёплого молока, Леха. Быть может, от этого в тебе быстрее зародится новая жизнь? – Оша руками изобразила, как убаюкивает младенца. Близняшкам было весело и радостно. Они уже измучили всех просьбами поскорее принести в дом новую сестру. Об этом мечтали, верили и надеялись. Для желанной будущей крохи тайком шились маленькие башмачки, чепчики и другие пустячки, необходимые для новорожденной. Трижды уже призывали в свой храм Жрицы Жизни старшую Эйбу, дважды Маршу, но... семя жизни не проросло в их телах. «Мы слишком много времени проводим среди камней и снега. Наши тела холодны и сухи. Дух маленькой девочки не хочет поселиться в таком неудобном доме...» – Так говорила Эйба, обращая больше заботы и внимания на младших сестёр, и, надеясь, что кто-то из них, привлечёт к себе внимание Богини Жизни, дарующей дочерей.

Глава 4

– Застава «Шести сестёр!» – воскликнула Элис, просыпаясь от звука собственного голоса. – Но ведь она существует на самом деле!

Она быстро села на ложе и задумалась. Как узнать, живёт ли там на самом деле серебряно-волосая девушка, или это только сон? Быть может, на неё подействовала случившееся полнолуние, или, как пугают суеверные служанки: «Это наведённое извне сновидение, призванное отнять покой и разум у королевы!?».

Проще всего, конечно же, было бы послать туда гонца... вот только отчего-то Элис не хотелось это делать? Оставить разгадку для себя? Собраться с мыслями? Или просто она истово боялась разочароваться, увидев на заставе только седовласую старуху?

Задумавшись, Элис не сразу заметила, что в яйце зашевелился птенец. Он начал постукивать по скорлупе и шумно вертеться.

– Родается?! – воскликнула Элис, увидев тонкую трещину, прошедшую через яйцо. – Наконец-то, вылупляется!

Осторожно улеглась рядом, во все глаза следя через расширившуюся щель, как птенец движется внутри и клювом выстукивает скорлупу. «Кого Вещая птица увидит первым, тот и будет ей хозяином на всю её жизнь», – вспомнила она старые наставления матери.

– Все вон! – запоздало спохватившись закричала она на прислугу. Вещая должна увидеть только её!

Служанка, принеся воду для умывания, торопливо метнулась к выходу, плотно затворив дверь, передала охране строжайший приказ под страхом смерти никого не впускать в королевские покои.

Птенец замер, то ли устав, то ли испугавшись крика Элис.

– Ну же, малыш! – Элис осторожно постучала по скорлупе, напоминая, что раз уже дело начато, надо его докончить. Вылупляться, так вылупляться. Но птенец сидел тихо.

– О, Создатель! – испугалась Элис. – Он затих! Может умер? Или так труслив, что боится увидеть свет? Это плохой знак... Словно услышав её слова, птенец зашебуршился вновь, с силой ударил клювом, толкнул головкой, и кусок скорлупы, величиной с пол—ладони, вывалился наружу. На Элис глянул любопытный прищуренный глаз, кожистый клювик открылся в пронзительном: «И-И-И!», – демонстрируя отличное глубокое горло

– погоди-погоди, мой хороший! Вот вылупимся совсем, тогда и поедим.

Птенец развернулся, и стал пятиться к выходу, высовывая наружу голую серую спинку со смешными пупырышками. Он отчаянно пыхтел, возмущённо пищал. ... Наконец скорлупа треснула, и птенец разом оказался наружи.

– Мы родились! – воскликнула Элис, в необычайной радости чмокая птенца в страшенький клювик.

– Тьфу-тьфу, – птенец высунул язычок, потряс головой, словно ему не понравился поцелуй. Потом разинул рот на невероятную ширину и заверещал что есть сил. Элис слетела с ложа, метнулась к дверям, приоткрыв, закричала в щель.

– Мали! Мали, скорее мяса, он голоден!

Старая прислужница уже ждала за дверью с блюдом тонко нарезанного парного мяса. Элис выхватила блюдо, захлопнула дверь, кинулась обратно к орущему чаду.

– Кушай маленький! Расти большой и умный!

Элис осторожно опускала в широкий рот тонкие полоски мяса, и клюв, на мгновение закрывшись, открывался вновь.

– Какой обжорка!

Элис не жалко было скормить птенцу и телёнка, но не повредило бы. Наверное хватит, решила она, убирая блюдо за спину.

– И-и-и! – возмутился птенец и больно ущипнул Элис за руку.

– И! – и тотчас испачкал покрывало.

Скинув грязное покрывало на пол, Элис осторожно повертела птенца в руках, безнадежно пытаясь определить пол новорожденного.

– Как же тебя назвать?

Вещую птицу Самур, прожившую семнадцать лет у королевы Самоны, звали «Шела Прекрасное Солнечное Утро» (Вещим льстили длинные витиеватые прозвища). И предыдущую птицу звали также. Никогда прежде не сочиняя никому имён, Элис не могла понять, как же это делается? Она перебрала в памяти с десятков человеческих имён и прозвищ, но все они казались недостойными для Вещей птицы.

– Я тоже назову тебя Шела, – решила, наконец, Элис со вздохом облегчения. – Как тебе это имя? По-моему, красиво.

– И-и! – негодуяще заверещал птенец и плюнулся.

– Не нравится? – Озадачилась Элис. – Ну, как знаешь. Ничего лучше мне не приходит в голову. – она улеглась на ложе, положив возле себя птенца, укрыла его одеялом. – Спи, моя Шела, я тебя согрею.

Но птенец оказался на редкость привередливым. Он, то лез под бок Элис, дрожа и пища от холода, то согревшись, вылезал из—под одеяла и бегал по подушкам, размахивая голыми крылышками. То опять, стуча клювом, с суматохой и писком залезал обратно, но очень скоро опять вылезал, выказывая своё недовольствие... Неугомонный птенец мало спал, много ел и производил невообразимое количество грязи и шума. Правда, в своём гнезде-кровати больше не гадил. Он проворно семенил на край ложа, свешивал попку, раз... и с торжествующим криком нёсся обратно, требуя еды или ласки. С непривычки, королева быстро устала, но жаловаться было некому. Хочешь иметь Вещую Птицу – терпи...

Так продолжалось неделю. По комнатам, с прикрытыми вуалями лицами, теперь непрестанно металась озабоченные прислужницы, едва успевая выполнять все пожелания королевы. Взад-вперёд, туда-сюда. От этих мельканий постоянного недосыпа и воплей птенца, Элис осунулась. Ей казалось, что голова её распухла и отупела, а бесконечные мучения не закончатся никогда.

На восьмой день, к вечеру, мир, в глазах королевы, закружился в пестром круговороте, и она впала в короткое беспамятство.

Глава 5

Звонкий короткий звук, как от лопнувшей тетивы, разбудил Сежи. Быстро приподнялась на локте, тревожно огляделась, медленно возвращаясь сознанием из королевского дворца в свою башню. В комнате не было никого. Кровати Марши и даже Гейлы, которой ещё следовало лежать, были заправлены. Сежи прислушалась. С кухни доносились приглушённые спокойные голоса сестёр, а значит, звук лопнувшей тетивы ей просто пригрезился!

Она вздохнула и, вопреки обычному, не поднялась сразу, а чувствуя слабость и головокружение, улеглась обратно, натянув тонкое стёганое одеяло до подбородка. Устремила взгляд в окно,

на узкую полосу голубого неба по которому короткими росчерками носились острокрылые птицы, и задумалась. Что такого произошло в её жизни особенного, что она стала видеть эти странные ночные видения? Прежде, она вообще редко видела во сне людей, а так красочно, в мельчайших подробностях, да ещё совсем незнакомые, не снились ей вовсе!

Чаще всего, ей снились странные невещественные сны—видения, в которых она была ветром, проносящимся над горами. Лёгким бесплотным существом приникала она к самым скалам, отчётливо видя причудливую вязь узких трещин, серебристые пятна лишайников и резные крошечные листья арифены, растущей только по краю пропасти... Потом вдруг взмывала вверх, ощущая себя уже быстрокрылой птицей. С высоты окидывала горы пронзительным взглядом и, отлично ощущая силу тёплого восходящего потока, легко планировала над острым хребтом, не боясь высоты ни в малейшей степени...

По лестнице проскрипели шаги. Дверь приоткрылась и Эйба задумчиво взглянула на Сежи.

– Ты проснулась?

Сежи поспешно села на постели. Сестра, наверное, вчера о чём-то просила её, а она, совсем позабыла о просьбе! Сознание, спутанное событиями последних дней и ночей, никак не хотело отдавать ей вчерашний вечер.

– Ты можешь одеться? Я жду тебя!

Сежи торопливо спустила ноги с кровати, нащупала ступнями меховые тёплые башмаки, сдёрнула со спинки стула короткое вязаное платье, двумя взмахами гребня успокоила водоворот серебристых волос и, уже сбегая по лестнице, укрепила их заколкой.

– Я здесь! – распахнула двери в кухню и... замерла на пороге.

По всем столам и подоконникам кухни стояли глиняные кувшинчики со свежими распускающимися листья ветками. Сёстры, волосы которых были украшены маленькими синими цветами, а поверх платьев из толстой шерсти висели нарядные деревянные бусы, стояли полукругом посреди кухни, радостно глядя на Сёжи. Воздух наполнял тонкий сладким дух выпекающегося пирога.

– Она забыла! – с укором проворчала Эйба, видя растерянность на лице Сежи. – Но как можно было забыть о дне своего совершеннолетия?! – Всплеснув руками, она коротко обняла Сежи, крепко поцеловала в макушку. Все тотчас разом загомонили, бросились обнимать Сежи, ласково поглаживая её по волосам и спине, желая долгих светлых дней, терпения и силы.

Так вот зачем, вчера вечером, они так настойчиво уговаривали её «спать побольше, набираться сил!». Ведь они, в отличие от неё – глупой выдумщицы, не смотрели странных снов о королеве, не грезили о городе, а помнили о дне своей сестры и тайно украшали дом! Преисполнившись неожиданной нежности к сёстрам, Сежи всхлипнула, торопливо размазала слёзы по щекам.

– Сежи, – торжественно начала Эйба, что-то пряча за спиной. – Сегодня тебе исполнилось шестнадцать. По давней традиции, ты теперь имеешь право носить знак совершеннолетней и владеть собственным взрослым арбалетом!

Эйба торжественно вынула из-за спины... арбалет матери! Тот самый, которым владели прежние неведомые хозяева дома, а затем мать и её сёстры, и к которому, как к самому ценному предмету в доме раньше запрещено было даже прикасаться!

– Это мне? – Сежи не могла поверить в происходящее.

– Да. Так мы решили на семейном совете.

Тяжёлый. Крепкий, отшлифованный руками матери и предшественниц, приклад арбалета удобно лёг в руки Сежи. Она осторожно тронула кручёную тетиву из жил степной лошади, дугу из гибкого красного дерева, пальцем прошлась по искусно вырезанному орнаменту из листьев и цветов. Она никогда не мечтала его иметь, а только взглядом, иногда, прикасалась к тому, что сохранило в себе память о её предках.

Слова благодарности застряли в горле Сежи. Она хотела бы сказать, что вовсе недостойна подобного драгоценного подарка, но сёстры смотрели на неё с такой любовью и нежностью, что слёзы вновь перехватили дыхание.

– Мы собрали для тебя ожерелье совершеннолетней! – Оша и Олин протянули тонкую нить бус из голубого стекла. – Оно так подойдёт к твоим глазам!

– А я сделала для тебя новые стрелы, – Гейла подала связку стрел с блестящими наконечниками.

– Но и это ещё не всё, – Эйба задумчиво оглянулась на сестёр, ища поддержки. – Теперь ты имеешь право знать, *кто ты!*

Сердце Сежи дёрнулось и замерло. О, как часто она донимала сестёр вопросами: почему я не такая как вы? Почему у меня светлые волосы и серые глаза, а не чёрные, как у всех вас и у мамы? Но старшие сёстры Эйба и Марша, то отшучивались: «Тебя потеряли бестолковые горные аахи, поэтому ты такая рассеянная...», то уклонялись от ответа, с нарочито сердитым видом прося не беспокоить их глупыми вопросами. Неужели, пришло время узнать то, что скрывалось много лет?

– Надеюсь, ты сможешь стойко вынести правду, как подобает совершеннолетнему воину? – Эйба внимательно посмотрела в глаза сестры.

Сежи торопливо кивнула, прижимая к груди арбалет. Странные слова Эйбы не на шутку взволновали и даже напугали её.

– Ты поведёшь её к Чёрному Ущелью? – осторожно спросила Марша.

– Да. Она сильная. Думаю, этот день пришёл. – Эйба перетянула волосы плетёной кожаной полоской, и, не говоря более ни слова, закинула за спину свой арбалет.

А вставшее солнце, уже по-весеннему сильно припекая, пробуждало жизнь в сонных, промёрзших за зиму горах: всё вокруг наполнилось щебетанием птиц, собирающихся вить гнёзда, попискиванием скальных мышей, безбоязненно снующих под ногами, да журчанием ручьёв, резво сбегающих с вершин.

Изнывая от нетерпения и переполнявших её вопросов, но хорошо зная строгий нрав сестры, Сежи молча шла следом за Эйбой. Та шла не оглядываясь, ходко преодолевая крутые подъёмы, она подымалась всё выше и выше, держа направление в сторону Чёрного ущелья. Сежи никогда не бывала там, но, с детства запомнила строгий запрет матери бывать там.

«Это дурное место», – говорила мама, внимательно глядя ей в глаза. – «Много людей погибло там, и ты должна обещать мне, что никогда не пойдёшь туда одна!». Сежи обещала, и если бы не Эйба, и впредь не нарушила бы этот запрет.

Эйба оглянулась, подождала пока уставшая Сежи нагонит её, рукой показала вперёд.

– Вот оно.

Перед глазами девушки открылось странное место: будто огромный великан, побывав здесь когда-то, провёл гигантским ножом по скалам, разрезав их пополам. Узкое, в каких-то десятков шагов ущелье, уходило далеко вправо и влево, теряясь в дымке. Противоположная сторона ущелья, была гладкой и отвесной, и уходила вертикальной стеной вверх, теряясь в облаках. Сежи осторожно заглянула вниз: ущелье было таким глубоким, что не было видно дна. Солнечные лучи не проникали в его глубины и клокастый рваный туман наполнявший его, казался непроглядной серой пеленой.

Сежи поёжилась, она не боялась высоты, но ощущение опасности этого места, было сильным и явным.

– Держись подальше от края! – Как показалось Сежи, сердито, велела Эйба. – Иди за мной, и не бойся, здесь достаточно широкий уступ.

Где-то высоко в горах прогрехотал камнепад. Эхо, отражённое от стен десятки раз, вызвало ощущение вездесущности каменной лавины. Сежи торопливо прижалась к каменной стене пережидая грохот и гул. Она прекрасно знала, как легко, подмытые весенними тальми водами, да подвижкой уже не крепких, подтаявших ледников, сдвигаются с мест огромные каменные глыбы, как, рассыпаясь на тысячи опасных, острых осколков, понесутся они вниз, сметая всё на своём пути.

Гул стих. Наступившая полнейшая тишина показалась предостережением двум безрассудным маленьким фигуркам, так неосторожно вторгшимся в запретные владения бессердечного Духа Гор.

– Идём быстрее! – тихо позвала Эйба, явно потерявшая уверенность в своём решении.

Она свернула влево, и, обогнув широкую скалу, пошла по уступу шириной в две ступни. Так шли достаточно долго, прежде чем Эйба остановилась, и снова внимательно посмотрела на сестру.

– Прижмись спиной к стене и иди осторожно. Осталось несколько шагов, потом будет широкая площадка.

Уступ превратился в узкую каменную нить, шириной в ступню. Сежи закусила губу, она знала, что в обязанности старшей сестры входило устанавливать и проверять ловушки в самых труднопроходимых местах, но она и помыслить себе не могла, какой опасности подвергала себя Эйба!

Но вот узкий карниз закончился, разойдясь в стороны широкой площадкой. Эйба предостерегающе вскинула руку, призывая Сежи остановиться. Энергично размяла занемевшие плечи, положила на землю арбалет. Осторожно раздвинув ветви густого колючего скального кустарника, сплошь покрытого теперь мелкими белыми цветочками, разрядила замаскированный в его ветвях самострел. Ловушки, подобные этой, были излюбленным приёмом сестёр. Там, где невозможно и бессмысленно стоять в постоянных дозорах, тропы и проходы охраняли

хитроумные западни, капканы и самострелы. Внимательно осмотрев конец стрелы, покрытый тёмной плёнкой засохшего ядовитого сока, сестра удовлетворённо хмыкнула: «Ещё послужит!». Подойдя к груде небольших серых валунов, перегораживающих дальнейший проход, принялась осторожно откатывать их в сторону. Она всё больше и больше открывала проход, но, странное дело, некоторые камни, всё ещё лежавшие вверху груди и теперь уже не имевшие под собой опоры, не падали вниз, словно опираясь на невидимую стену!

– Это место охраняет Колдовство. – негромко сказала Эйба, слегка подвигаясь в сторону, чтобы Сежи могла разглядеть то, что скрывалось за вынутыми ею камнями. – Колдовство не даёт камням обрушиться вниз, на того, кто здесь лежит.

Сежи осторожно заглянула внутрь: в полумраке маленького скального грота, на голых камнях лежало тело человека. Удивительная, отсвечивающая голубым, одежда тонкой выделки, такая не уместная в пронизывающих ветрами горах, прикрывала тело. Высохшее от мороза и ветров лицо, с обострившимися чертами и ввалившимися глазами, заслоняли длинные серебристые волосы.

– Что это? – отпрянула Сежи.

– Мужчина. – ответила сестра. – Но кто он, я не знаю. Шестнадцать лет назад, когда ещё были живы наша мать и её сестры, а я ждала совершеннолетия, меня послали сюда проверить ловушки после долгой зимы. Самострел, устроенный здесь был разряжен. Я стала искать тело зверя или иноверца, когда услышала тихий писк. Я подумала, что это плачет голодный котёнок убитой снежной кошки, но подойдя ближе, поняла, что это плакал человеческий ребёнок! Вот этот человек был ещё жив, он лежал на боку, прижимая к себе крошечный плачущий свёрток. Я увидела маленькую светлую прядь волос, бледное личико... Ребёнок жалобно плакал, и я кожей ощущала, как мучает его холод от замороженных камней. – Эйба сжала руку Сежи и, словно найдя в этом поддержку, продолжила. – Наша отравленная стрела, торчащая у чужака в плече, подсказала мне, что время ухода его души к предкам, близко. Он открыл глаза, и в них была такая тоска, что я, державшая его на прицеле арбалета, не посмела нажать на курок. Ты знаешь, что, находя раненных или убитых иноверцев, мы, не колеблясь, сбрасывали их тела в пропасть. Но в этот раз..., наверное, это было наведённое на меня колдовство: чужак молча смотрел на меня, но я вдруг отчётливо услышала в своей голове: «Я ждал только тебя и сейчас умру. Прошу, позаботься о девочке, она ни в чём перед тобой не виновата...», – Какая-то мягкая сила повлекла к тебе, заставила поднять и прижать к груди крошечное окоченевшее тельце.

– Теперь уходи! – повелел чужак, и я, уже не помня себя, повиновалась. Словно во сне, под воздействием наваждения, возвратилась я к заставе. Я знала, что *ничто чужое* не позволено вносить в свой дом, чтобы не занести беду, но... чувствуя, как бьётся маленькое сердечко, я уже не могла отказаться от тебя.

Помню, как, прижимая тебя к себе, покорно встала на пороге, ожидая, когда старшие поднимут против меня оружие или с позором погонят прочь. Но, случилось чудо: отогрившись у меня за пазухой, ты улыбнулась и протянула навстречу старшим ручки... Мама, в то время кормившая Гейлу грудью, вздохнула: «Мы не воюем с детьми», – и взяла тебя на руки. С тех пор прошло много лет, но никто никогда не укорил меня в совершённом.

Позже, когда я вернулась сюда со старшими, мы не смогли подойти к чужаку близко, так как тело его теперь оберегала невидимая стена. Мы просто завалили проход сюда валунами, и старшие решили впредь обходить это место стороной.

Сежи присела возле открытого сестрой проёма в каменном завале, осторожно протянула руку, отыскивая границу колдовской стены. Едва ладонь её приблизилась к невидимой преграде, как колдовство с тихим звоном разрушилось. Потеряв невидимую опору, камни медленно осели вниз, открывая вход в грот. Ахнув, сёстры отпрянули, ища поддержки друг в друге.

– Уйдём поскорее отсюда, здесь хозяйничает Дух воина, убитого нашей стрелой! – Больше всего на свете Эйба остерегалась всего, необъяснимого и мистического. Она искренне верила в сказки о людях, попавших в вечную неволю к Духам, боялась, что её охранный амулет в этот раз окажется слабее колдовских чар чужеземца. Верила, что этот Дух специально поджидал их, чтобы отомстить.

– Не бойся, чужак не воин. Посмотри, у него нет оружия! – подалась вперёд Сежи.

– Не может быть! Зачем же тогда он пробирался в нашу страну? Наверно, просто потерял своё оружие на крутых тропах! – правдоподобное объяснение немного успокоило Эйбу, но всё же она потянула сестру назад. – Будь осторожна! Не приближайся к нему близко.

– Ты видишь, у него такой же цвет волос, как у меня! – искренне удивилась Сежи. – Быть может это мой отец?

Девушка вдруг явно ощущала Силу, исходящую от него. Часто отдавая свою силу людям, она не представляла себе, как это чувствуется со стороны. Сежи с удивлением восприняла её как явную тёплую волну, идущую от давно мёртвого тела. Это было так странно! Девушка прекрасно знала, как быстро покидает Дух умершую плоть, как быстро тускнеет невидимое, но ощутимое «свечение», исходящее от неё. Поэтому Сежи не боялась умерших, она воспринимала их тела просто как опустевший дом, который сам по себе не может причинить вреда. Находясь же рядом с этим странным чужаком, она неожиданно поняла, что испытывает чувство «защищённости», какое бывало на заставе только зимой, когда глубокие снега и морозы надёжно закрывали перевал до следующей весны.

Сежи опустилась перед телом на колени, поднесла ладонь к лицу чужака, медленно повела рукой вдоль тела, не прикасаясь к нему, но ощущая постоянное чуть колкое тепло. На груди, прямо над сердцем, в ладонь ударила сильная горячая волна. «Ах!» – отпрянула Сежи. Произошедшее было так необъяснимо, что её охватило сильное смущение, и даже страх.

– Поторопись, Сежи. Ветер сменился на восточный!

Это было опасно. Восточный ветер приходил с океана. Разгоняясь на широких просторах до огромной скорости, он обрушивал на землю стену воды, шквальными порывами ветра ломал деревья в предгорье, срывал крыши с домов, легко сбрасывал людей в пропасть. Восточный, – значит дозорные поспешат в каменные ниши, плотно закрывая за собой вход, а пастухи погонят скот в укрытие.

– Сейчас... сейчас... – почти не осознавая слов сестры, отозвалась Сежи. – На груди чужака, под одеждой что-то было. Именно это «нечто» и давало Сежи ощущение живой Силы. Времени на раздумья не оставалось. Рука потянулась к маленькому охотничьему ножу, висящему на поясе. Короткий треск одежды, и... тяжёлый золотой диск медальона скользнула в ладонь девушки, как бы говоря: «Теперь я твой!». Мельком увидела четыре крупных драгоценных камня по краю диска и вязь непонятных знаков. Потянула к себе, но крепкая золотая цепь не отпустила находку.

– Сежи!!! – требовательно выкрикнула Эйба.

Впервые в жизни Сежи испытала непреодолимое желание иметь чужую вещь. С детства приученная обходиться малым, и всегда всё делить поровну с сёстрами, она, если не считать одежды, не имела вещей, которые могла бы назвать «мои». Но в тот миг, когда она посмела неосторожно прикоснуться к странному амулету, она почувствовала невероятное, затмившее рассудок желание обладать этой вещью во что бы то ни стало!

Прекрасно зная о запрете брать что-либо у погибших воинов, она никогда бы и не подумала взять что-то у чужака, но пальцы сами, помимо воли сжали амулет, натягивая цепочку ещё удерживающую его. Странный золотой амулет чужака не нёс в себе зла, а каким-то неведомым образом внушал, что теперь принадлежит только Сежи. Очарование Вещи заставило позабыть все строгие наказания сестёр. Остриё ножа быстро вошло в одно из звеньев, усилие, и разогнутое звено поддавшись, разомкнуло цепь. Сежи торопливо поднялась на ноги. Сердце её колотилось, глаза блестели, а рука с трепетом сжимала желанную добычу.

В тот же миг послышался сильный гул, и площадка под ногами задрожала.

– Камнепад! Быстрее, Сежи.

Эйба ухватила сестру за руку, с силой потянула за собой. Дальше всё было как во сне, сёстры то бежали, то распластываясь вжимались в стену, пропуская над собой каменную реку, и снова бежали... И мир сузился до одной лишь тропы, и страх, древний страх слабого человека, наполнял всё тело, дрожью отдаваясь в руках и ногах, заставляя кричать...

Сежи не сразу осознала, что всё закончилось. Эйба вдруг остановилась, мягко привлекла ей к себе.

– Мы в безопасности, не бойся! – успокаивающе провела по волосам своей широкой сильной ладонью. – Ты была неосторожна, сестра, – Эйба ловко выдернула из рук Сежи цепочку с амулетом, коротким движением кисти метнула её в пропасть. – Из-за этой вещицы мы едва не погибли! Ведь это она привлекла на нас и восточный ветер и камнепад

Сежи, запоздало спохватившись, ужаснулась.

– Ах! Что ты наделала?! Зачем? Он мой! – Сежи едва не прыгнула вслед за, потеряй. Боль утраты, только что приобретённого, так потрясла её, что ноги её подкосились и она без сил осела на землю.

– Ничего нельзя брать у мёртвых, тем более у чужаков! Они все – суть зло, а зло должно быть похоронено. Таков закон! – Твёрдо объявила Эйба, рывком поднимая сестру на ноги и торопя её в обратный путь.

Глава 6

Тоскливый крик отчаянья, растаявший над ущельем, заставил королеву арахонок со стоном поднять лицо от подушек.

– Как мне тяжело и больно! – прижала Элис руки к лицу, переживая потерю Сежи словно свою собственную.

– Кр-кр? – птенец птицы Самур ласкаясь потёрся о щеку хозяйки, заглянул в глаза.

– О, Шела, если б ты только знала! Она потеряла свой амулет! Как странно, я чувствую такую сильную боль, словно это моя, а не её потеря!

...Дальше всё пошло наперекосяк: за завтраком Элис пролила на своё любимое платье сок лесных ягод. Переодеваясь, зацепила платьем заколку, и красивая старинная костяная вещица, упав на пол, раскололась. Неудачно начатый день продолжился: в учебном поединке с Хайлет, Элис дважды пропустила такие серьёзные удары, что начальница стражи сердито вложила меч в ножны.

– Скверно, моя королева! Так скверно, что будь вы простолюдиной, я велела бы вас выпороть. Рука дрожит, внимание ослаблено... чем заняты ваши мысли? Что может быть для вас важнее, чем защита собственной жизни? Ещё немного, и мне придётся просить отставки.

– Прости, Хайлет. – Элис знала, что начальница стражи во всём права и не рассердилась на неё. – Не знаю, право, что со мной. Я вся не своя... – Элис в сердцах швырнула меч в сторону и отойдя к окну, насупясь, уставилась вдаль.

– Последнее дело бросать оружие! – Хайлет хмурясь подняла меч, положила на столешницу. – Скоро начнутся военные состязания. Кто, как не королева, должна быть примером для подданных? Но стыд и позор воину, не владеющему собой. Продолжим завтра! – гремя лёгкими доспехами Хайлет покинула зал.

Элис прижалась горячим лбом к холодному стеклу. Душа ныла, болела и томилась. Она чувствовала себя обманутой, и оттого несчастной. Сны... Отчего эти яркие, полные жизни сны исчезают, как только откроешь глаза? Отчего, только в них она была счастлива и, казалось, более жива, чем сейчас, на яву?!

Припомнила себя, рядом с Сежи, над пропастью. Ах, как замер тогда её дух, боясь высоты! И ветер трепал там и её волосы, и холод от скал пробирал и её до костей... Припомнила амулет чужака, такой тяжёлый, холодный и желанный, который на мгновение словно побывал в её руках. Никогда не хотела она чего бы то ни было так же страстно, как в тот миг! Хотя...

– Вспомнила! – резко вскрикнула Элис, пугая Вещую птицу. – Я вспомнила! Но как же, как же я вообще могла забыть?

Однажды, когда Элис было лет семь или десять, в одном из тёмных не жилых закоулков дворца, она нашла чудную маленькую тарелочку! Эта полупрозрачная фарфоровая вещица, чуть более детской ладошки, совершенно не понятно для чего предназначенная, волшебным образом заорожила её. Часами могла Элис сидеть, разглядывая идущий по краю искусный орнамент, где незнакомые письмена переплетались с цветами и колосьями, разглядывая красивую маленькую девочку, изображённую по центру. Написанная словно тончайшими иглками, и подробная даже в самых мелких деталях, эта девочка, с копной светло-русых волос, и бордовом платье, собирала красные ягоды со свисающих к самой земле ветвей. Элис видела каждый её локон, каждый завиток, румянец на щеке полупрофиля, тонкие ниточки бровей, лукавую улыбку и даже каждую мельчайшую складку на одежде! А маленькие башмачки девочки, при- вставшей на цыпочки, так чудесно сияли золотыми пряжками и алели красными бантами!

С восторгом следила маленькая Элис, как крошечные ручки, срывали ягоды и клали их на горку уже собранных, в плетёный туесок. А там, за девочкой, змеилась светлая песчаная тропинка, и вдалеке, за чередой диковинных ягодных деревьев, был виден маленький домик с открытыми окнами и дверями. Элис вертелась и так, и эдак, стараясь разглядеть то, что было скрыто за, размером с булавочную головку, окнами. Она уверена была, что только её несовершенное зрение мешает разглядеть то, что нарисовал волшебный художник.

Элис любила уноситься в эту чудесную страну, то пробираясь вместе с девочкой под её деревьями, то прыгая вместе с ней по дорожке, то разговаривая с белокурой красавицей, делясь с ней своими детскими секретами.

– Это была Сежи! – вновь в голос вскрикнула Элис. – Вот почему я так обрадовалась этим снам, они так же, как эта девочка, уводят меня в свою сказку.

Королева пробежала в спальню, окинула её ищущим взглядом. Давно забыв о чудесной своей игрушке, она никак теперь не могла вспомнить, куда же могла её положить?

– В сундук! Конечно же... – бросилась к нему, торопливо откинула крышку, замерла на несколько мгновений над старыми позабытыми вещами.

Рука, лучше помнящая прошлое, скользнула в угол под зеркальную треснувшую шка- тулку. Пальцы, а затем ладонь, нащупали маленький тонкий диск, завёрнутый в шелковистый тонкий лоскут.

Помедлила немного, растягивая наслаждение от находки, и, медленно потянула диск к себе. Края ткани откинулись в стороны, и маленький фарфоровый диск оказался на ладони...

Нет, это была не Сежи! Казавшееся изумительным, в воспоминаниях, изображение, ока- залось совсем не таким волшебным: и девочка была простовата, и кусты ягод убоги, и малень- кий покосившийся домик, совсем не манил к себе... Чуда не свершилось, сказка давно окон- чилась.

Элис со вздохом прижала к груди тарелочку. Нет, она не жалела о происшедшем, ведь предвкушение волшебной встречи было так волнующе приятно.

Оглянулась на Шелу, расхаживающую по коврам комнаты.

– Скажи мне, Вещая птица, есть ли на свете Сежи? Или, быть может, в жизни она тол- стая дурнушка, «курица», сельская девчонка... И я, увидев её, больно разочаруюсь так же как сейчас?

– Кро-кро... – птенец встрепенулся и не больно ущипнул Элис за палец.

– Опять голодна? – огорчилась Элис. – Что толку иметь Вещую птицу, если она не может дать ответ даже на простой вопрос?

Птенец повернулся к ней, нахохлился и открыл клюв.

– Нет-нет, НЕ ГОВОРИ! – испуганно вскрикнула Элис, подумав, что птенец сейчас же даст ответ. – погоди, не говори. Прошу тебя. Я не хочу потерять её сейчас. Я ещё не готова!

.....

...Прошёл месяц, как Шела появилась на свет. Серый пух на её теле сменился тонкими волосками, которые постепенно превращались в пёстрые, чёрно-коричневые перышки, а вокруг головы отрастал шикарный «воротник» из перьев. И хотя нрав её строптивого характера не улучшился, она уже меньше донимала Элис своими капризами и криком. Вместо тонкого пронзительного «и-и-и!», выводила сдержанно и важно «кр-кр». Сидя на плече Элис, она, то копошилась в королевских волосах, то строго заглядывала в уши, то осторожно разъединяла клювом ресницы, бдительно следя, нет ли в глазах сора. Памятуя советы матери, Элис много разговаривала со своей любимицей. Рассказывала Шеле свои сны, мечты и даже дворцовые сплетни, хотя сплетничество не было чертой её характера. Шло время, птица росла, но по-прежнему молчала. Вернее, всю болтала на своём птичьём языке, но по арагонски не желала произносить не слова. Иногда, по ночам, сидя на ажурной решётке окна, она бормотала что-то неразборчивое, но была ли это человеческая речь? Часто Элис казалось, что, взрослея, Шела меньше нуждается в ней. Днями просиживала птица у окна, глядя на городскую улицу и раскачиваясь взад-вперёд. Иногда же, несносная Шела могла поднять ужасный крик, из-за того, что Элис не оказывалось рядом. Сейчас же, сидя возле хозяйки на своём любимом, специально сделанном «насесте», она благосклонно принимала поглаживания по голове и тихо, но довольно клекотала.

– Шела, моя маленькая девочка, скажи: «Элис... Элис», – просила королева, ласково ероша пёрышки своей питомице.

– Или скажи: Шела! Шела хорошая девочка!

Шела вдруг вздыбила свой воротник, больно ущипнула Элис за руку и завопила незнакомым противным голосом.

– Я мальчик, мальчик, мальчик! Я не Шела! Ненавижу – Шела!

Элис быстро отдернула руку.

– Т-ты можешь говорить? Что же ты молчала раньше?

Птенец возмущённо зафыркал, заскрёб когтистой лапкой.

– Я не «маленькая»! Я не «хорошенькая»! Я – МАЛЬЧИК! – завопил он яростно.

– Мальчик? Не может быть! Как же мне тогда теперь тебя называть?

– Харэй! – Вещий гордо вскинул голову и важно надулся.

—Харэй, – нараспев повторила Элис. – Какое странное имя. Что оно означает?

– Король птиц! Мудрый из мудрейших!

Говорил Харэй странным, утробным голосом, почти не раскрывая клюва, и Элис даже оглянулась по сторонам, не подшучивает ли это кто над ней?

– Харэй... король птиц... – Элис была совершенно сбита с толку. – Мальчик! Ну, кто бы мог подумать?!

– И не смей меня целовать! Ненавижу!

...Начав говорить, Харэй ничуть не изменился нравом. Он, то спал полдня, сунув голову под крыло, то начинал кричать, что его не любят и с ним не разговаривают. То, подставляя смешной хохолок, просил, чтобы его погладили, а то вопил: «Ненавижу, когда трогают!». Иногда он так изводил Элис своей непредсказуемостью и криком, что она с трудом сдерживалась, чтобы не рассердиться на него! Но король есть король, хоть и птичий, королеве арахонок приходилось терпеливо сносить все его выходки.

Глава 7

Как обычно, первый день новолуния, начинался во дворце Королевским Судом. Как только солнце окрашивало городские шпили своим светом, звучал сигнальный рожок и к Всемиловистой королеве Элисандрей Анжелайн приводили преступниц, в отношении которых

мнения судей разделились, или же вина их не была доказана. С шестнадцати лет Элисандрей решала судьбу своих подданных: по глазам, жестам, обилию слёз или их отсутствию определяя вину и назначая наказание. Ещё не опытная в жизни королева, хорошо понимала, как несправедливо может быть её решение, и, тяготясь ношей Высшего Суда, старалась никого не осуждать на смерть.

В зале Суда был самый высокий сводчатый потолок. Огромные массивные колонны, поддерживали исчезающие во мраке арочные своды. Сквозь узкие, уходящие ввысь тёмные витражные стёкла с трудом проникал слабый солнечный свет. Сколько помнила это место Элис, здесь в любое время года было темно, сыро и холодно.

Элис плотнее сдвинула на груди тёплую меховую мантилью, с неудовольствием поёрзала на жёстком неудобном, с прямой спинкой резном троне, с трудом поборола желание подобрать под себя ноги, зябнувшие в тонких золотистых сандалиях. Хмуро взглянула вверх. Над головой громоздились старинные барельефы, изображавшие схватки странных рогатых воинов с такими же рогатыми чудищами. В трепещущем свете десятка настенных факелов страшные клыкастые и зубастые пасти чудищ оживали, свешивали вниз свои головы, шаря незрячими глазами по людям, словно выжидая подходящее время. Элис поёжилась, то ли от зябкой сырости которой были пропитаны стены, и которая пробирала до костей, то ли от ещё ярких воспоминаний детства, когда зал Суда казался самым ужасным местом на свете!

Впрочем, так и должно было быть, зал Суда был призван наводить ужас на виновных, а присутствие в нём королевы и Вещего, теперь весьма укорачивали время, требуемое для признания своей вины и раскаянья.

Зал постепенно наполняли любопытствующие придворные дамы, «курицы», – как презрительно звала их про себя Элис за их непрерывные «кудахтанья» между собой, бесконечные передвижения по залу, да гортанный вскрикивания «Ох-ох-ох!» и «Ах-ах», когда обвинители зачитывали свои грамоты. Знатные дамы, от которых Элис не видела никакого прока, шурша юбками, шушукаясь и перешептываясь расселись по тяжёлым деревянным скамьям, предоставив прислужницам стоять позади них поддерживая и поправляя толстые шерстяные накидки. Глядя на них, Элис поверить не могла, что всего пару десятков лет назад это были отменные воительницы, отбившие множество набегов врага! Из рассказов матери, услышанных ею в детстве, Элис всегда представляла их себе огромными и неустрашимыми... как могло случиться, что время превратило их в «безмозглых куриц», воюющих за лучшее место у очага?

«Клянусь памятью ушедших королев, я никогда не стану такой!», – пообещала себе Элис, делая тайный, незаметный для других, знак рукой «нерушимой клятвы». – «Лучше с честью погибнуть на поле сражения, чем дожить до седых волос и позорно ссориться за самую тёплую мантилью!».

В свои восемнадцать королева Элис считала себя уже опытным, умудрённым годами и битвами, воином. Она имела всё, о чём можно было пожелать, и не мечтала больше ни о чём... ну, разве что о новом оперении на парадный шлем, который в прошлый раз обещали торговцы? – тут Элис вновь вспомнила о своих странных сновидениях, тяжело вздохнула, и, решила, что её «свиток пожеланий» продолжится ещё одним, пока ясно не осознанным.

Опустив мантилью вниз, Элис окутала ноги по самые лодыжки, подышала в ладони, пытаясь их согреть, с заботой посмотрела на Харэя, сидящего на специальном возвышении по левую руку от неё.

– Всё хорошо, мой друг?

Харэй, уже отрастивший шикарный воротник из перьев, передёрнул им, вздыбливая перья, проклёкотал что-то по-птичьи и, сердито посмотрел на дверь.

Дверь распахнулась. Рослая начальница стражи Хайлет, поскрипывая лёгкими доспехами, вышла на середину зала. Коротким мечом отсалютовав королеве угрюмо объявила.

– Всё готово, Властительница.

Процокали каблучки, всегда манерной, обвинительницы. Подобрав кружевные юбки, она медленно раскланялась с королевой и придворными дамами, долго откашливалась, отыскивая в голосе необходимые стальные нотки и, раскатав свиток длиной чуть не в два локтя, объявила.

– Уина, дочь Исхелл... – в зал Суда втокнули избитую и израненную молодую женщину лет двадцати пяти, с закованными в кандалы руками и ногами. Тяжёлая толстая цепь медленно волочилась следом, цепляясь за все неровности пола и доставляя явные мучения пленённой.

– Оборотень! – продолжила обвинитель и, выждав эффектную паузу, обвела всех таким торжествующим взглядом, будто добыча оборотня была её личной заслугой. – Вчера вечером, обернувшись когуаром, безжалостно покалечила восемь жителей селений Хес и Хот, и двух королевских стражниц! Также обвиняется в колдовстве, насылании порчи на урожай и водные источники, и других вредных для Вашего королевства действиях... – обвинительница принялась рыскать взглядом по свитку в поисках особо тяжких злодеяний, а в зале послышались испуганные восклицания и приглушённые «кудахтанья» придворных дам. Элис хмуро взглянула на них, заставляя смолкнуть, медленно перевела взгляд обратно на оборотня.

Смуглокожая, коренастая, со спутанными чёрными волосами по грудь, в рваной зелёной тунике, сотканной из тонких шерсти дерева отей, с обрывками пришитых к нему украшений, она едва держалась на ногах, и казалась такой несчастной, что Элис никак не могла представить её себе «безжалостно увечающей королевских стражниц».

Харэй угрожающе наклонил голову, пристально глядя на обвиняемую, гортанно тихо заклекотал, раскачиваясь взад-вперёд. Молодая женщина, коротко взглянув на Вещего, торопливо опустила лицо вниз и, Элис толком не смогла рассмотреть его из-за распущенных длинных волос.

– Что скажешь, Вещий? – еле слышным полувздохом спросила Элис, находясь в замешательстве. Никогда прежде не видела она оборотней и теперь с волнением и смущением разглядывала пленницу. Элис конечно же слышала множество невероятных рассказов о странных людях-оборотнях, которые днём мало чем отличаются от обычных людей, а по ночам воя бродят по лесам, да воруют скот у бедных крестьян... Из достоверного, кроме того, что оборотни принадлежали к кочующему племени Сэлонтов, Элис не знала о них больше ничего. Прежде она вовсе считала все эти рассказы сказками и никак не ожидала, что такие люди существуют на самом деле.

– Кошка! – негромко проговорил Вещий, не спуская с пленницы взгляда. – Опасная сама в себе.

– Что это значит? – не поняла Элис.

Харэй переступил с ноги на ногу. Он быстро рос и уже предвидел и понимал гораздо больше, чем научился объяснять человеческими словами.

– Опасная. Для себя. Для других. Для тебя... Но не сейчас.

– Что ты можешь сказать в своё оправдание? – холодно спросила королева, буравя обвиняемую взглядом.

Длинные пряди чёрных волос вздрогнули, откинулись назад резким поворотом головы. Раскосые зелёные глаза, почти без белков, цепко впились в Элис. Эти глаза горели таким холодным жёстким огнём, что, казалось оборотень готов прямо сейчас, не смотря на ранения, выпиться любому врагу прямо в горло.

Суровый взгляд королевы-воина, словно встречный вал огня, накатил на волну холода источаемую оборотнем. Две стихии встретились в противостоянии. Этот короткий изучающий взгляд глаза в глаза, показался королеве бесконечно долгим, но, почувствовав в себе необори-

мую потребность победить в этой странной схватке, Элис с силой сжала кулаки и не отвела взгляд.

– Мой суд справедлив. Говори, если, конечно, тебе есть что сказать!

Сузившиеся зрачки обвиняемой дрогнули, заметались из стороны в сторону.

Взгляд зелёных глаз ушёл в сторону, пробежался по рядам разодетых дам, заставив их смолкнуть.

– Неизвестные люди напали на меня из засады, без объяснений причин, пытались связать, избивали... Я только лишь защищала свою жизнь! – не смотря на заметную напряжённость во всём теле, она говорила ровно, без дрожи в голосе, странным мурлыкающим голосом. – Их было человек двадцать, хорошо вооружённых, против *меня одной*, безоружной... – усмешка в её голосе прозвучала весьма отчётливо. – Мне пришлось применить все свои умения, чтобы просто остаться в живых....

Харэй вновь распушил воротник, резко наклонился вперёд, издав короткий клёкот, дерзость обвиняемой ему явно не нравилась. Элис же, напротив, откинулась назад, внимательно разглядывая босые израненные ноги женщины, её кровоточащие раны, и остатки от странных украшений, из зубов, ракушек и разноцветных камней, которыми была испещрена вся её одежда.

Вот грязные пряди волос скользнули по лицу оборотня, открывая взгляду узкую наколку в виде ленты, через весь лоб.

Элис указала на неё рукой.

– Что это, у тебя? На лбу.

Пленница не ответила, дерзнув, даже, отвернуть лицо.

– Что это значит, Харэй?

– Главная Жрица Сэлонтов. Посвящённая. Неприкасаемая. Оборотничество – знак её приближённости к тайнам Предшественниц.

– Сколько родовых званий! – усмехнулась Элис. – Даже я не имею столько!

Молодая женщина в смятении взглянула на Вещую птицу.

– Никогда я не причиняла вред ни своим соседям—арахонкам, ни твоему королевству. Никогда не насылала ни мор, ни порчу, и уж тем более не оскверняла источники воды. Это противоречит законам, по которым мы живём испокон веков! Я признаю только Оборотничество, потому что это моя суть... В остальном же моей вины нет. Но твои люди боятся нас, не понимают, и не хотят понять. И поэтому, наверно они желают, чтобы мы все умерли... Но мы также, как и вы имеем детей, также, как и вы радуемся теплу солнца, и тоже умеем любить. Нам приходится защищать своё право на это!

Харэй отвернулся, равнодушно занялся перебором перьев на крыле. Похоже, обвиняемая сказала правду...

– Какое наказание предусмотрено за оборотничество и нанесение вреда моим людям? – спросила Элис обвинителя.

– Её пригвоздят кинжалами к Кипящему дереву и подожгут. Расплавленная смола, стекая со ствола, замурует навечно и её тело, и Дух. И никогда после этого, она не сможет покинуть место своей казни и причинить вред живым.

Элис задумалась, кутаясь в меховую накидку. Будь она на месте этой несчастной, и если бы на неё, из засады, напали враги... разве не поступила бы она также, защищая свою жизнь? Но просто сказать: «Иди! Ты не виновна!», королева, как Верховная Судья не могла. Она как мать для своих воинов, нерушимая стена, которая всегда защитит. Раны её воинов, хоть и полученные в сомнительном сражении, требовали расплаты. Но более этого молодую королеву мучило простое человеческое любопытство. Увидеть на расстоянии вытянутой руки оборотня и не узнать, как эти люди могут обращаться в зверя? Вряд ли ей представится вторая такая возможность.

– Я хочу увидеть, как ты оборачиваешься когуаром!

Уина вздрогнула, услышав требование, но не удостоила королеву ответом. Одна из стражниц подняла на строптивную меч, но Элис предостерегающе вскинула руку.

– Не трогайте её. – и смягчив тон обратилась к молодой женщине. – Я сохраню тебе жизнь, если ты покажешь мне, как ты оборачиваешься.

Зелёные глаза обвиняемой сузились, и лицо опустилось. Она слышала пожелание королевы и понимала, что стоит за её отказом, но не желала подчиниться.

– Ты спешишь попасть на кипящее дерево, главная Жрица Сэлонтов? Тебе так наскучила жизнь? – Элис сердито стукнула кулаком по подлокотнику трона: «Как смеет перечить эта дерзкая!?».

– Лучше смерть, чем жизнь в неволе.

– Я подарю тебе не только жизнь, но и свободу, – приняла наконец решение Элис. – Ты заплатишь откуп покалеченным тобой и покинешь наше королевство. А сейчас, я хочу увидеть, как ты оборачиваешься когуаром. Это справедливо. Другого выбора я тебе не предложу.

Тяжело вздохнув, Уина задумалась, потом посмела взглянуть в лицо королеве.

– Я согласна. Только ты потом сдержи своё королевское слово.

– Моя госпожа, это опасно! – Хайлет, встала между королевой и оборотнем, – Не верьте ей! Не позволяйте оборачиваться! Она только того и ждёт, чтобы получить свободу от цепей погубить тебя, ведь она от рождения убийца!

– В лесу достаточно дичи, – с пренебрежительной усмешкой проговорила Уина. – Мы не охотимся на людей.

Элис нахмурила брови, взмахом руки велела Хайлет отступить, – Я так желаю! – и поторопила Уину. – Ну же! Я жду.

– Пусть с меня снимут кандалы, они слишком узки для превращения. – проговорила Уина тонко ухмыляясь, – Когуар зверь крупный. И ещё мне нужна накидка, я буду изменяться под ней.

– Нет, я хочу всё видеть! – возразила Элис.

По лицу девушки вновь скользнула злорадная усмешка.

– Тот, кто видел обращение, никогда уже не будет ясно мыслить. Разум уйдёт, а тело наполнит страх... – по рядам придворных «куриц» прошла волна смятения, послышалось падение нескольких тел. Наверное, если бы здесь сейчас не было королевы, многие бросились бы бежать, в панике оставив зал Суда.

Воительница Элисандрей перевела взгляд на двух стражниц, застывших возле дверей. Повинуясь уставу, они не смели глядеть по сторонам, но по тому, как побелели костяшки их пальцев, сжимавших древки огромных алебард, Элис понимала, что ожидание превращения даже на них производило сильное впечатление!

– Хорошо. – Элис сердито сдёрнула со своих плеч меховую накидку, бросила её к ногам оборотня. – Снимите с неё цепи... И хватит болтовни.

Стражница торопливо освободила запястья и лодыжки пленницы от оков, Уина неспешно развязала тесёмки удерживающие её изодранное платье на плечах, и лохмотья соскользнули с её плеч на пол. Теперь она стояла перед королевой обнаженная и настороженная, по-прежнему ожидая от окружающих подвоха, обводила зал Суда внимательным взглядом.

«Какие эти элонты несуразные», – подумала Элис, разглядывая смуглое тело молодой женщины. – «Ноги слишком коротки, талия слишком длинна... Под защитой одежды она смотрелась не так нелепо».

Наконец Уина решилась. Она опустилась на колени, накрылась с головой накидкой и замерла. Стражницы переглянулись, в глазах их рос старательно подавляемый страх. Отважные в бою, они боялись магии и колдовства, порчи и наговоров больше чем целой вражеской армии!

Но время шло, и ничего не происходило. Элис уже начала подумывать о наказании для обманщицы, когда тело под мехом стало колебаться. Оно, то пригибалось к полу, то выгибалось дугой, издавая сдавленные стоны-вздохи. Вот движения перешли в крупную дрожь и... резко замерли. Зал огласил громкий стон-вой, перешедший в глухое звериное рычание. Коротким движением когуар стряхнул с себя накидку, окинул людей угрюмым взглядом. Чёрная блестящая шерсть на загривке вздыбилась, волной прошла по телу. Большие чёрные лапы проскрежетали по полу огромными крючкообразными когтями, глухой рык, вырвавшийся из глубины красной глотки, заставил людей в зале содрогнуться. Одна из стражниц в ужасе попятилась к дверям (уж лучше бы она умерла на месте, потому что Элис заметила это!). Две другие, подчиняясь знакам Хайлет, начали медленно обходить зверя, выставив вперёд пики. Хищник не должен иметь ни малейшей возможности причинить вред Властительнице!

Когуар пригнулся к полу, забил хвостом, медленно начал подбираться к Элис крадущейся бесшумной тенью. Станный, чуть сладковатый звериный дух быстро разошёлся по залу, подсказывая людям, что превращение в кошку было реальным.

Элис вскочила. Никогда прежде не доводилось ей встречаться в схватке с хищным зверем, но страха не было, а от понимания, что ей противостоит очень сильный и коварный противник, по спине побежали восторженные мурашки.

Ладонь легко скользнула в складки платья, нащупала и обхватила рукоять короткого отточенного кинжала, и его клинок бросил огненный отсвет в глаза хищника. Остриё готово было мгновенно вонзиться в чёрную кожу, если только оборотень отважится напасть. Ноздри Элис раздулись, глаза сузились, и всё тело, подобно кошачьему, напряглось ожидая решающего точного удара.

Огромная чёрная кошка замерла. Окаменели и стражницы, кто с поднятым копьём, кто с обнажённым мечом. Они видели борьбу взглядов королевы и оборотня и страстно желали не ошибиться в оценке поединка. Если сильнее королева, ей ни в коем случае нельзя помешать, если же верх начнёт брать зверь – тотчас его уничтожить!

Опустив морду до каменных плит пола, но не отрывая взгляда от Элис, огромная чёрная кошка неумолимо приближалась. Вот расстояние сократилось до двух шагов, и Элис поняла,

что теперь сила на её стороне. Если кошка не прыгнула издали, вкладывая в удар мощных широких лап огромную силу, противостоять королеве, на коротком расстоянии будет гораздо сложнее. Вот хищница сделала два очень медленных, очень коротких шага... шершавый язык лизнул ногу в золотой сандалиии, и в зелёных глазах затух огонь. Чёрная кошка, отвернувшись, побрела прочь из зала.

– Не трогать её! – вскинула руку Элис, видя движение стражи. Все замерли.

Хищница дошла до дверей, зашаталась и осела на пол. Тело её стали сотрясать короткие судороги и Элис, соскочив с места, быстро накрыла тело меховой накидкой. Обратное превращение в человека началось. Элис видела конец хвоста, неосторожно оставшийся незакрытым, и, словно под действием чар, никак не могла отвести от него взгляд. Хвост мелко дрожал, втягивался под накидку и всасывал в себя шерсть, становясь голым... Через минуту обращение в человека закончилось. Элис поняла это по изменившемуся очертанию тела и тихому, почти детскому вздоху. Осторожно приподняв край накидки, заглянула под неё: Уина лежала, поджав колени к груди, и казалась теперь безобидным несчастным существом, не способным никому причинить вред.

– Она больше не пленница, а гость! – объявила королева Элисандрей, оглядывая замерших придворных. – Накормить, залечить раны и не беспокоить. Я позже решу, что с ней делать. – обернулась к охране и указала на стражницу, струсившую во время обращения.

– А этой... больше не место во дворце! Сослать её в Северную Заставу, простой лучницей.

Глава 8

Стояла глубокая ночь, когда Сежи очнулась от полузабытья, села на постели и огляделась. Тонкий серп луны заглядывал в окно, слабым светом очерчивая спящих сестёр, Гейлу и Маршу, и нехитрую мебель спальни. В доме не было слышно ни звука, и даже ветер, по своему обыкновению, не завывал в трубе.

Рядом, на стуле, покрытый холщёвой салфеткой, стоял небольшой кувшинчик с настоем из трав, заботливо приготовленный сёстрами. Сежи послушно выпила ароматный пряный отвар, и дурманящий напиток быстро растёкся по жилам, согревая её руки и тело... но не душу. Наверно впервые в жизни, она ощутила, насколько пусто и тоскливо было там, где раньше была душа, как будто оторвали кусок чего-то настолько важного, что без него теперь она не чувствовала себя живой.

Вгляделась в далёкие мерцающие звёзды, и в затуманившихся от слёз глазах они исказились, закружились вокруг лунного серпа, напоминая... Амулет чужака! Стоило только закрыть глаза, как он появлялся в воображении Сежи, вещественно отяжеляя ладонь, тонко позвякивая золотой цепочкой, отражая небо центральной бордовой полусферой и четырьмя драгоценными камнями. Нет, ни о ценности золота и камней страдала теперь Сежи, а о той вещи, которая таинственным образом могла связать её с утерянным прошлым!

Подавив в себе тяжкий вздох-стон, Сежи поднялась на ноги, сняв со спинки стула тёплую шаль, зябко закуталась в неё, и, словно преодолевая вязкую тягучую воду, подошла к окну на слабых ногах. «Как всё плохо. Я и представить себе не могла, что жизнь моя так нехороша!».

Она и сама себе не могла объяснить, что же такого случилось в её жизни неправильного, кроме того, что сестра бросила в пропасть её амулет. Но эта потеря так сильно тяготила её теперь своей безысходностью, и такой нелепой непоправимостью, что Сежи стало казаться, что и вся её жизнь, разом порванная как та золотая цепочка, полетела в бездонную чёрную пропасть.

Ночь откликнулась на её боль: с тоскливым криком метнулась прочь ночная птица, ветер засвистел, загудел, закрутил светлые пряди волос Сежи. Где-то, далеко в горах, простенала снежная кошка, эхом ей ответил новый порыв ветра и шум далёкого камнепада. Сежи плакала молча, отдавая всю силу своей боли чёрной горной ночи. Вскоре звёзды и луна померкли,

укрытые клочковатой пеленой низких туч и земля погрузилась в непроглядную мглу. Недолгую полную тишину нарушило завывание ветра, бросившее в лицо колючую порцию воды. Яркая вспышка молнии выхватила из мрака силуэты гор, гром пронёсся по небу от востока до запада, и на заставу обрушилась хлынувшая с небес стена воды.

В углу заворчалась Гейла.

– Это ты беспокоишь Духа гор? – испуганно спросила она, чертя в воздухе оградительные знаки.

– Эта вещь была моя! – отчаянно выкрикнула Сежи. – Эйба не смела отнять её у меня!

– Я не узнаю тебя Сежи, ты вся не своя... Наверно там, в Чёрном Ущелье, ты неосторожно прикоснулась ко злу, и оно вошло в тебя. Борись с ним, сестра! Борись! – Гейла снова стала чертить в воздухе знаки, отгоняющие Беду, но Сежи не чувствовала их очистительного воздействия.

– Это была МОЯ вещь! – Сежи упиралась, не желая признать правоту сестёр. – В ней не было зла, совсем не было! И этот чужак... Ты ведь сама знаешь, что наши волосы одного

цвета, значит он из моего рода, быть может, это даже был мой отец? Также как вещи нашей матери перешли к нам по наследству, так и вещь чужака должна была стать моей!

Дверь открылась. Разбуженная шумным спором, Эйба стояла на пороге со свечой в руке.

– Может это и так. – холодно согласилась она. – Но есть ещё и мы, и та вещь была НАМ чужда... Ты же не собиралась причинить нам вред? Сделай, наконец, свой выбор: Или ты наша сестра и соблюдаешь наши законы, или ты Чужачка, и тогда покинь наш дом!

– Покорись! Покорись, Сежи! – шептали младшие сёстры, глотая слёзы.

В комнату влетела ночная бабочка, с тихим шорохом крыльев забила в толстое мутное стекло открытого окна, осыпая подоконник светящейся пылью.

«Совсем как я!», – подумала Сежи, давая свободу пленнице. – «Быть может, так же как у неё, моё «окно» открыто, но я по неразумию никак не могу увидеть выход?»

– Я решила. – смирилась Сежи, – Сделала выбор. Я – ваша сестра...

Глава 9

...Королева Элис задумчиво «мерила» шагами «Сад королевы Самоны», своё излюбленное место на плоской крыше одной из башен дворца. Не замечая ни великолепии арок из редкостного розового гранита, сплошь увитого яркими красными вьюнами, ни огромных каменных чаш, с пышно цветущими алланами, ничто не радовало сегодня королеву.

Двенадцать шагов до северной стороны стены, столько же до южной. Уже в который раз королева проходила здесь, не замечая чарующего аромата редких растений, не слыша журчания воды, истекающей из крошечных искусно сделанных гротов, не обращала внимания на подносы с лакомствами, расставленные по маленькому саду.

Настороженно поглядывая на Властительницу из-за колонны, Хайлет напряжённо пыталась угадать, что же так гнетёт королеву? Никаких происшествий во дворце или неприятных новостей из королевства! Отчего ж так насуплено лицо, так угрюм взгляд?

Подходили обычные в такое время просители и жалобщики, всех отсылала прочь Хайлет, с тщетной надеждой ожидавшая окончания «непогоды».

Двенадцать шагов на север, и видимые сквозь розовые аркады, близкие горы будто зовут голосом Сежи: «Найди меня! Я есть на самом деле!».

Двенадцать шагов на юг и голос разума отчитывает строго: «Очнись! Ведь это только сон! Не доверяй тому, что не существует в реальности, не позволяй призрачным видениям вносить в твоё сердце смятение, ослаблять волю, умалять силу!»

Желание найти девушку из сна было велико и неотступно, но боязнь жестокого разочарования не позволяла Элис послать людей на поиски.

– Моя госпожа... – не послушавшись совета Хайлет, «не попадаться на глаза королевы», перед взором Элис возникла Уина. Смиренно опустила колени на холодный каменный пол, прижала ладони к груди.

– Что тебе? – недовольно спросила Элис, с трудом осознавая присутствие рядом женщины-оборотня. – Уже здорова? Что ж... Твоё племя выплатило откуп. Я верна слову: можешь уйти.

Элис отвернулась, но дерзкая смуглая рука посмела удержать её за подол.

– Моя королева... Женщины нашего рода тоже всегда верны своему слову. И в теле человека, и в теле когуара, они бесстрашные воины и телохранители...

Элис не услышала сказанного. Колдунья раздражала своим присутствием и непонятной навязчивостью. А тонкий дух хищника, исходящий от неё, тревожил чуткое обоняние королевы.

– Чего ты хочешь? – обернулась Элис, досадуя на присутствие Уины.

– Моя госпожа, позволь мне остаться подле тебя...

– Ты бредишь? – Элис слегка отстранилась, – Ты смеешь просить позволения быть подле меня? Ты – оборотень, чьё место на костре? Разрешить тебе остаться здесь, чтобы однажды стража нашла моё растерзанное тело?

– О, нет! – отшатнулась Уина. – Я поклянусь тебе в верности, самой страшной клятвой Сэлонтов! Никто из нашего рода не посмеет нарушить её! – женщина-оборотень дерзнула поднять на Элис глаза, и в них полыхнул изумрудный огонь. – Я принадлежу к роду Посвящённых, знаю травы и заклинания. Могу вылечить смертельно раненого и вернуть жизнь мёртвому, снять наведённые Чары и создать защиту от оружия и Тёмных Сил. Если ты позволишь мне остаться, я смогу защитить тебя от любой напасти, отдать за тебя жизнь!

С пробудившимся интересом и лёгкой презрительной усмешкой Элис взглянула на Уину. «Странная зеленоглазая колдунья... С чего бы вдруг такое нелепое пожелание, остаться во враждебном для Сэлонтов дворце арахонок?»

– Я слышала, все твои бесценные умения не помогли даже тебе! Что проку тогда мне в твоей защите?

Уина склонила голову.

– Раз в месяц я теряю свою силу. Тот, кто выдал меня, знал об этом.

– Я хочу знать истинную причину твоего желания. Или ты откроешь эту тайну, или... уйдёшь.

Уина окаменела, глядя в пустоту за спиной Элис. Королева терпеливо ждала, с любопытством разглядывая смуглую просительницу.

– Известно ли тебе, моя госпожа, пророчество, данное Вещей птицей королеве Самоне?

– Хм? Вещая птица давала множества пророчеств... – Элис не могла признаться, что не понимает о чём речь.

– Три года назад, наша бывшая Главная Жрица, была призвана во дворец. Чтобы снять или ослабить страдание смертельно раненой в бою королевы. Колдовская сила велика, но не беспредельна. Жрица могла только облегчить уход в Мир Теней, но уже не могла ему воспрепятствовать. В момент короткого просветления сознания, когда невыносимая боль отступила, королева Самона задала вопрос Вещей птице: «Погибнет или спасётся арахонский народ?»

«Настанет день, и четыре короны и Знак Силы откроют ворота в Иной Мир. Твой народ будет спасён...» – ответила птица.

– Да, я слышала об этом пророчестве, но пока никто не смог его растолковать.

– Если позволишь, моя госпожа... Несколько лун назад, когда племя Сэлонтов избрало меня своей Главной Жрицей, на ритуале посвящения нам было явление: Лицо ушедшей в

Мир Духов жрицы появилось над ритуальным костром и предсказало будущее. По откровению жрицы, – именно я владею одной из тех корон, что освободят твой народ. Моё предназначение – служить тебе, госпожа. И я смиренно прошу тебя этой милости...

Лицо Уины, по своему обыкновению, ничего не выражало. Она никогда не улыбалась, не морщилась, и в раскосых зелёных глазах её Элис не смогла разглядеть ни лжи, ни вражды. Королева отвернулась, задумчиво взглянула на свой город Арахон, чьи островерхие крыши, башенки и шпили, теснились к королевскому дворцу. Она не боялась смерти и козней оборотней, беспокоило одно: как бы смерть не пришла раньше, чем будет оставлена наследница. А просьба Уины... наверно неплохо иметь под рукой хорошего лекаря и такого незаменимого лазутчика, как когуар. Пусть, даже если предсказание не верно, и она не сможет спасти арахонцев.

– Я согласна. Клянись! – приняла решение Элис, резко поворачиваясь. Но если ты рассердишь меня или надоешь, я сама тебя прогоню.

– Моя госпожа не пожалеет. – Уина прикоснулась губами к подолу королевского платья и поднялась.

Сняв с шеи разноцветное ожерелье, набранное из камней, ракушек и зубов неведомых зверей, Жрица Сэлонтов сосредоточилась. Прочертив перед собой замысловатый знак, она мурлыкаяще проговорила на своём языке слова клятвы. Тотчас, словно написанные на воздухе символы, появились над головой, полыхнули тёмно-зелёным огнём. На мгновение Элис показалось,

что её и женщину-оборотня окружила мерцающая стена, но вот она дрогнула и растаяла, расходясь туманом. Приложив ладони к сердцу Уина неспешно поклонилась.

– Я поклялась тебе в верности, моя госпожа. Теперь, если потребуется, я погибну за тебя.

– Надеюсь, этого не потребуется. И помни, я не держу тебя здесь силой. Если ты захочешь меня оставить, то можешь это сделать.

– Нет, моя королева, больше я в этом не вольна. Ты можешь прогнать меня... и тогда я умру, – она склонила голову и удалилась странным крадущимся шагом.

Глава 10

Сежи поставила корзину с грязными тарелками, из обожжённой глины, на землю возле ручья. Падающий с высокой скалы, ручей за долгие годы пробил в камнях углубление, в котором было удобно не только мыть посуду, но даже купаться самим. Сейчас вода с ледника текла такой холодной, что пальцы Сежи скоро заledenели и перестали слушаться. Она засунула их под мышки, желая поскорее согреть, присела на покрытый мхом, тёплый валун, с наслаждением ощущая, как не по-весеннему жаркое солнце, быстро отогревается всё её тело. Послеобеденная усталость взяла своё, и Сежи, смежив веки, забылась в сладкой дреме.

Свистящий шум от хлопающих крыльев заставил Сежи, вздрогнув, открыть глаза. Большая чёрно-коричневая птица уже садилась на скальный выступ над её головой.

«Вещий!», – с ужасом поняла Сежи, не в силах стронуться с места.
Нежданный гость, наклонившись вниз, внимательно взгляделся в девушку.
– Так вот ты какая... Сежи... – внезапно проговорил он странным утробным голосом.
Сежи сползла с камня на землю, ощущая в себе необъяснимое желание немедленно спрятаться или сбежать, но тело не желало ей повиноваться.
– Медальон потеряла? – задумчиво проговорил Вещий.
Сежи заторможено кивнула.

– Ну и что за беда? Что за трудность такая? – Вещий отвернул от Сежи взгляд, осматривая её дом, и ближайшие окрестности. – Аахи тебе помогут... – он легко оттолкнулся от скалы, раскрыл крылья, и быстро ушёл в высоту. Маленькое коричневое пёрышко, неосторожно им потерянное, кружась, медленно полетело вниз.

Только тогда, будто кто-то толкнул в её в бок, Сежи подскочила на месте, протёрла глаза, и с недоумением огляделась.

– Это был сон? Или я, теряя рассудок, уже вижу наваждения на яву?

Тут она заметила коричневое пёрышко, всё ещё падающие вниз, и уже почти достигшее воды. Метнулась вперёд, желая ухватить его, но... показавшись напоследок простым прошлогодним сухим листом, маленькое коричневое «ничто», закружилось в водовороте и, подхваченное быстрыми водными струями затянулось в расщелину.

Постоянно поглядывая на небо, (не увидится ли там птичий силуэт?), Сежи торопливо собрала посуду, почти побежала в дом. Она так и не поняла, что же такое сейчас произошло у ручья, но совет, поданный Вещим, с радостью приняла. Аахи! Они, единственные, могут ей помочь! Вот только как быть с обещанием сёстрам: «ничего, от чужаков, не приносить в дом»?

Обдумав это, Сежи пришла к решению, что, если ей удастся достать амулет, она будет хранить его вдалеке от дома. Сёстрам тогда «вещь чужака» ничем не сможет повредить, а значит, её слово можно считать не нарушенным!

Изнывая от нетерпения, Сежи дождалась, пока сёстры разойдутся по делам, и, убедившись, что её никто не видит, заторопилась в сторону ущелья.

... Сежи опустилась на камень, покрытый причудливой вязью серо-голубого лишайника. Расслабилась, заставляя себя полностью отдаться созерцанию гор, как бы растворяясь в них. Взгляд легко и бездумно скользил по отвесным скалам, извилистым трещинам, и редким кустикам камнеломки, до тех пор, пока она не смогла «оторваться и отстраниться» от девушки, оставшейся на краю ущелья.

Уловив это, начала осторожно прощупывать мыслью расщелины.

«Розовые птицы Аахи, молю вас, отзовитесь! Мне нужна ваша помощь!» – беззвучно звала Сежи птиц, вызывая их образ перед своим внутренним взором. Вскоре она почувствовала ответ, пришедший из дальнего кустарника, растущего на склоне горы. Ветки его зашевелились, бело-розовая стайка маленьких существ взвилась в небо, закружила там, то припадая почти к самой к земле, то вновь набирая высоту и, вскоре уже чуткое ухо Сежи уловило слабые шорохи их крыльев.

– Аа! Аа! – тонко и протяжно, как влюблённая самочка во время весенних безумств, вскричала Сежи, в то же время мысленно притягивая к себе вожака.

– Аах, аах! – охотно откликнулся тот, почти падая с высоты вниз на ближайший острый выступ скалы.

Смешно растопырив короткие крылышки для равновесия, он забавно почесал лапкой короткий тупой клюв, отряхнувшись, аккуратнее укладывая красные перья на хохолке и наивно, с любопытством, взглянул на Сежи, почти человеческими детскими глазами.

Сежи осторожно приникла к сознанию существа.

«Мне нужна ваша помощь, помоги!»

Удивление, лёгкий испуг и встречный вопрос.

«Чем мы можем помочь тебе?»

«Достань амулет, который упал в пропасть!» – страстно пожелала Сежи.

Аах вздрогнул, как от удара, судорожно прикрыл голову крылом. Сежи поспешила смягчить свой мысленный посыл, старательно окрашивая его в голубой цвет миролюбия, самый любимый цвет аахов – цвет неба и свободы. Почувствовав прочную мысленную связь с аахом, Сежи постаралась уже не ослаблять её.

– Я ваш друг. Я не причиню вреда... – мягко, но настойчиво уверила Сежи. Она знала, что аахи наивны, легкомысленно-бестолковы и любопытны. Поэтому не вдаваясь в суть дела, она просто стала передавать вожаку свой интерес к потерянному блестящему предмету. Глаза ааха округлились. Заинтересованно склонив голову набок, он заглянул в расщелину, расправил

крылья и взвился над бездной. В тот же миг, мир людей для Сежи исчез, остались только эти крылья, пара зорких глаз, да захватывающее дух ощущение полёта.

– Аа! – вырвался из горла птицы ликующий крик Сежи. Она заставила птицу прижаться ближе к скале, внимательно разглядывая все расщелины и трещины.

– Аах... – тоскливо откликнулась птица, ощутив в себе частицу чужого разума, и уже сожалела о потерянной свободе.

– Я не причиню тебе вреда, только помоги! – Сежи окутала птицу волной любви, и та покорилась.

Получив второе, зоркое зрение горной птицы, Сежи необычайно чётко увидела стены ущелья глазами ааха. Каждую трещинку, каждый выступ, каждый листик камнеломки, словно был теперь увеличен в несколько раз. Сежи припомнила в каком направлении Эйба бросила амулет, потянула жоака в ту сторону. Аах опустился ниже, и теперь летел, почти касаясь крылом скалы. Что-то блеснуло в узкой расщелине. Птица зависла в воздухе, трепеща крыльями,хватила лапами цепочку и, с усилием вырвав амулет из каменного плена, взмыла вверх.

– Аю-аю-аю! – возликовала Сежи, не сдерживая более себя. Сила её отчаянной радости была так сильна, что розовая птица с воплем рванулась в сторону, выпуская из лап цепочку. Кувыркаясь в воздухе и бросая по каменным стенам золотые и тёмно-красные отблески, амулет полетел в пропасть.

– Нет! – забывшись, в голос закричала Сежи. – Лови его, быстрее!!!

Аах устремился вниз, но... вскоре, жалобно захныкав, завис в воздухе. Под ним чернела бездна, никогда не видевшая солнечного света. Ни одно живое существо не смело проникнуть в её зловещие владения. Блеснув в последний раз, невероятная мечта Сежи исчезла во мраке.

– Достань его! Достань! – молила девушка ааха, но существо света и дня, не могло спуститься во мрак. С криком ужаса забился он в воздухе, в панике разрывая путы сознания, созданные человеком, и, наконец, вырвавшись, стремительно унёсся прочь.

– Нет! Не может быть, я потеряла его! – слёзы отчаянья рекой хлынули из глаз девушки. Надежда получить амулет обратно, была потеряна навсегда.

Глава 11

Крик Сежи, словно бы ещё витавший под ажурными сводами зала, заставил застонать и Элис. Задремавшая было на минуту, она подняла лицо от узкого ложа, не сразу осознавая, что находится возле мраморной голубой купальни, которую оставила совсем недавно.

– Больно? – ослабила нажим руки Уина. – Прости меня, госпожа.

Молодая женщина подцепила кончиками пальцев из серебряной чаши новую порцию благоухающей мази, осторожно принялась втирать её в зудящий шрам чуть ниже плеча королевы. Полученный в конце зимы, во время шуточной потасовки с Хайлет, он до сих пор сильно досаждал Элис.

– Версы? – с удивлением спросила Уина, внимательно разглядывая тонкий длинный порез.

– Угу. – соврала Элис не желая признаваться в дурацкой оплошности.

– Кто залечивал тебе рану? Разве можно было так неаккуратно соединять края? Ты ведь не простая лучница! – Уина продолжила втирать травы в плечо повелительницы. – Королеве надо быть куда осторожнее в бою... Зачем ты лезла на рожон, разве у тебя мало воинов?

Элис вздохнула, ничего не ответив. Ей совсем не хотелось пререкаться с колдуньей, и объяснять ей правила обращения к королеве, да и вообще не хотелось говорить ни о чём. Если шрам перестанет, наконец, чесаться – будет славно, а если Уина замолчит или уйдёт, дав возможность Элис подумать, будет ещё лучше.

– Тебе повезло, что рядом с тобой лучшая из лекарей! – продолжила мурлыкать колдунья. – Скоро рана не только перестанет тебя беспокоить, но не оставит даже рубца!

– Она не смогла достать амулет! – разочаровано выдохнула Элис, ощущая такую душевную боль, словно это была её личная потеря. – Она уронила его в пропасть!

– Кто, моя госпожа? Кого уронили?

– Сежиен. Девушка с серебряными волосами. Уронила амулет в очень глубокую пропасть. Скверно! Теперь его оттуда уж никак не достать.

Уина опустилась на колени, заглянула Элис в лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.